

ФРИДРИХ НЕЗНАНСКИЙ

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ЗАГОВОР ГЕНЕРАЛОВ
НОЧНЫЕ ВОЛКИ

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Ночные волки

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Ночные волки / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Страшный кровавый след оставляет за собой банда «Ночных волков», предводителю которой неведомы страх и муки совести. Однако теперь в борьбу с преступниками вступает группа «Пантера», возглавляемая следователем по особо важным делам Александром Турецким. Бандиты уверены в своей безнаказанности, они дерзки и жестоки. Борьба будет долгой, отчаянной и кровавой...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	31
Глава четвертая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Фридрих Евсеевич Незнанский

Ночные волки

Глава первая

Портнов

1

Все случилось так стремительно, что никто, если этот «никто» находился поблизости, не понял, что же произошло.

Операция по вывозу из банка наличных денег была до того засекречена, так подробно разработана, что все неожиданности исключались. Всего два человека были посвящены в детали перевозки наличности, настолько крупной, что даже эти двое цифру без особой нужды не произносили.

И каждый из них не сомневался: рейс непростой, накладок в пути не будет никаких.

Им и в голову не могло прийти, что в два тридцать ночи, когда будут закончены последние формальности и машина, которую из-за неприступности называли «сейфом на колесах», выедет за ворота банка, произойдет непредвиденное.

Как только ворота раскрылись и бронированный «РАФ» выехал на дорогу и проехал по ней метра три, не больше, ему навстречу вылетела легковушка. Несколько секунд — и на огромной скорости она врезалась в напичканный деньгами автомобиль. Никто не заметил, как метров за десять до места столкновения дверца легковушки открылась и из нее кубарем выкатился какой-то отчаянный человек.

Две машины столкнулись лоб в лоб. Легковушка тут же взорвалась, осветив огненным взрывом ночную темноту. Стекла окон соседних домов задрожали от взрыва.

Водитель «сейфа на колесах» выскочил из салона вместе со своим напарником, до этого сидевшим с ним рядом.

В те же секунды грузовой отсек автомобиля покинули автоматчики, которым было поручено охранять ценный груз. Они выскочили, готовые отразить любое нападение, но...

Но не успели.

К месту происшествия уже мчались две черные «Волги», из окон которых неслась смерть.

Невидимые убийцы не искали цель, они выпускали длинные очереди из автоматов, казалось, без всякой наводки. Но вот упали охранники-автоматчики, водитель со своим напарником, и даже тот, кто закрывал ворота за отъезжавшим «сейфом на колесах», упал бездыханный. Все это длилось не более минуты. Легковушка еще полыхала пламенем, когда стрельба уже смолкла.

Нападавшие выскочили из своих автомобилей, чтобы проверить, не осталось ли свидетелей. Нет, сработано чисто. Пару контрольных выстрелов, правда, сделать пришлось, но это уже так, для перестраховки. Никто из тех, кто отвечал за сохранность груза, в живых не остался. О случайных свидетелях тоже можно было не беспокоиться: их не было.

Судя по действиям нападающих, они долго и тщательно готовились к этой операции. Действовали четко и слаженно. Двое сели в кабину, двое — в грузовой отсек захваченной машины. «Каскадер», выпавший из легковушки, той, что сейчас горела, с блеском выполнил свою работу — его машина точнехонько врезалась в бронированный «РАФ». Сейчас этот лихой акробат уже сидел в «Волге».

Черные машины, сделавшие свое страшное дело, развернулись и помчались по ночным московским улицам. Бронированный «РАФ» следовал между ними. «Волги» охраняли его. И было что охранять — в чреве плененной машины находились миллионы долларов и миллиарды рублей.

2

За трюк, который Сергей Козлов исполнил около ворот Бета-банка — выпадение из мчавшейся машины — ему заплатили пять тысяч долларов. По сравнению с тем, что он получал, работая на киностудии каскадером, это было состояние. Но он уже давно не работал каскадером.

Это было раньше, много лет назад, когда он был молодым идиотом-романтиком, рисковавшим жизнью за пятьдесят советских рублей. Столько стоил самый сложный трюк в фильме. Он горел, падал со скал, выпрыгивал из мчащихся машин наподобие сегодняшнего случая, тонул в морях и реках. Постоянно рисковал своей шкурой — и все это за какие-то жалкие рубли.

Жена Светлана покинула его год назад. Забрала сына и «прощай» не сказала. Видимо, ушла, как и грозились, куда глаза глядят, лишь бы не видеть мучений мужа и самой не мучиться. Впрочем, кроме своей матери, ей идти было некуда. Но это не интересовало Сергея.

Тогда он был в черной дыре: работы нет, кино не снимается, а главный каскадер Алексей Инсаров, бывший лучший друг, так перекрыл ему все каналы, что заработать трюками можно было только во сне. Его мастерство уже никого не привлекало: какую бы ни открывал дверь, стоило только назвать свою фамилию, как тут же следовал отказ. Инсаров пообещал ему когда-то перекрыть кислород. Теперь Сергей Козлов убедился, что слово свое его бывший друг держал крепко.

Оставалось одно — идти на рынок, работать грузчиком. Он так и сделал. Но, проработав два дня, понял: не его стихия. Сам труд его не смущал. Тут по пословице: стерпится — слюбится. Отравляли душу так называемые коллеги, мужики-грузчики, которые и часа не могли прожить, чтобы не отправить в свое нутро полстакана водки. А то и стакан.

Несмотря на лихость своей профессии, в которой хватало и копоты, и гари, и речного ила, Сергей Козлов был нежен душой, его коробило все грубое. Он и в кино пошел потому, что хотел служить чему-то высокому. Кино казалось ему таким местом, где все, что есть в нем лучшего, проявится и расцветет. Он не переоценивал свою профессию, хотя и понимал, что некоторые фильмы она просто «вытаскивает».

В конце концов пришлось бежать с рынка. Светлана не выпрашивала, что там у него случилось, переживала молча. Глядела на него с опаской: боялась, что запыет.

Нет, он не запил. Целыми днями валялся на диване и тупо глядел в экран телевизора, вставая только поесть или поменять кассету в видеомагнитофоне. И — молчал. Постоянно молчал, отвечая на все вопросы односложно: «Да», «Нет», «Не знаю».

С сыном Алешкой тоже иссякли все отношения. Какому пацану понравится, что его отец, которым он привык гордиться, валяется целыми днями на диване, небритый, хмурый, полусонный. Поначалу он подходил к отцу, спрашивал о чем-нибудь, но какого мальчишку не обидят такие ответы: «Да», или «Нет», или «Не знаю»... И сын перестал его беспокоить.

Алешке было восемь лет. Назвал его Сергей в честь Алексея Инсарова: не знал тогда, что разойдутся их пути-дорожки, что станут злейшими врагами. Вот ведь как бывает в жизни...

Через пару недель после того, как Светлана ушла, позвонил Сергею незнакомый мужчина и предложил встретиться. Станный был разговор.

— Алло! — произнес густой баритон, который Сергею никого не напомнил. — Это господин Козлов?

Сергея до этого никто еще не называл «господином».

— Да, — ответил он.

— Здравствуйте. Моя фамилия вам ничего не скажет, но я представляюсь — Кравцов.

— Действительно, — сказал Сергей, — ваша фамилия ничего мне не говорит.

— Это не важно, — откликнулся незнакомец. — У меня к вам деловое предложение.

Могли бы мы с вами его хорошенечко обсудить?

— Я не пью, — ответил ему Сергей.

Мужчина добродушно рассмеялся.

— Это прелестно, — сказал он, закончив смеяться. — У вас неплохое чувство юмора.

Думаю, что мы с вами сработаемся. Даже уверен.

— Что конкретно вы хотите мне предложить? — спросил Сергей. — Я каскадер, но на киностудиях меня не любят. Говорят, что непрофессионален. Вы в курсе?

— О да! Мы в курсе. Вы и не представляете, насколько мы в курсе всех ваших дел.

Сергей насторожился:

— В каком смысле?

— В прямом, — ответил ему Кравцов. — Например, мы знаем, что вот уже несколько месяцев вы находитесь без твердого источника доходов.

— Не я один.

— Еще мы знаем, что от вас ушла супруга, — добавил Кравцов.

— Это и соседи мои знают.

— И что Инсаров перекрыл вам все дороги.

— Вы действительно много обо мне знаете.

— И как? Мы договорились?

— О чем? — удивился Сергей. — Разве мы с вами что-то обсуждали?

— Пока — только о встрече, — сказал Кравцов. — Остальное — с глаза на глаз.

Сергей замаялся и протянул с сомнением:

— Н-ну, не знаю.

— Кстати, — вдруг как бы вспомнил Кравцов. — Забыл вам сказать: согласившись только на встречу с нами, вы заработаете пятьсот долларов. Независимо от результата нашего разговора.

— Как это?! — не понял Сергей.

— Очень просто, Сергей Вениаминович. Вы приходите на встречу, и я вручаю вам пятьсот долларов только за то, что вы пришли. А потом мы начинаем беседовать.

— А если я возьму деньги и тут же уйду?

Сергей почувствовал, что его собеседник на другом конце провода улыбается.

— Вы, конечно, человек любопытный, — сказал ему Кравцов. — Но поверьте, вам стоит нас выслушать. В конце концов, мы предлагаем вам работу по профессии. Так сказать, по вашему профилю. Выслушать-то просто вы можете?

— Ну что ж, — решился Сергей. — Где и когда?

— Запишите адрес, Сергей Вениаминович.

Так он стал членом преступной группировки.

Работа была посильной — приходилось делать то, что он привык делать: падать, прыгать и так далее. Его никогда не посвящали в детали предстоящей операции, да его и не интересовало это. Он приходил, делал то, что от него требовалось, и получал свой гонорар — «постановочные», как он их называл. Работу свою он делал один-два раза в месяц. И каждый раз получал за это пять тысяч в твердой валюте.

О Светлане с Алешкой все это время он старался не думать. Придет срок — и он вернет их. Если, конечно, с ним ничего не случится.

3

Молодой человек в светлом кашемировом пальто вошел в холл гостиницы «Балчуг» и без препятствий миновал кордон из охранников отеля. Подозрений он вызвать не мог. На глаз определявшие, кто есть кто, охранники ничего не учуяли. Тем более что у прошедшего был разовый пропуск в отель и выглядел он, несмотря на возраст, таким завсегдаем подобных мест, таким преуспевающим субчиком, что, кроме зависти, у стоявших в дверях молодцов ничего иного к себе вызвать не мог.

Молодой человек вошел в холл и направился к лестнице, но по дороге словно бы передумал. Вернулся назад и подошел к игральным автоматам, которые стояли недалеко от входа в ресторан отеля.

Возле автоматов игроков было немного. Какое-то время молодой человек со скучающим видом наблюдал за играющими. Зеркала в простенках между автоматами позволяли ему наблюдать и то, что творилось за его спиной.

Через пару минут в холле появился средних лет господин с небольшим чемоданчиком. Он был без особых примет, потому что дорогой костюм — какая же это примета в таком отеле? Потоптавшись возле кресла, он опустился в него и развернул газету. Чемоданчик поставил рядом.

Молодой человек расстегнул свое кашемировое пальто. И все с тем же непроницаемым выражением лица стал прогуливаться по холлу. Со стороны могло бы показаться, что он кого-то ждет. Но за ним никто не наблюдал. И жаль. Потому что очень скоро молодой человек оказался позади читающего газету мужчины. Поравнявшись с ним, он вдруг четким и уверенным движением вытащил из кармана пистолет с глушителем и приставил его к затылку мужчины.

Раздался короткий хлопок, и голова читавшего газету господина дернулась вперед, стрелявший подхватил ее и вернул на место. И тут же раздался второй хлопок.

Ни охранники, ни игроки у автоматов ничего не услышали.

Через минуту молодой человек уже покидал отель. Поймав на себе взгляд стоявшего у выхода охранника, обычный взгляд, которым он провожал всех входящих и выходящих, молодой человек обеспокоился. И принял меры.

— У вас там людей убивают, — сказал он, — а вы здесь всякой ерундой занимаетесь, бумажки проверяете.

Охранники вздрогнули и бросились в холл. Там уже началась суматоха. Кто-то заметил убитого в кресле господина, и, как это бывает, сразу откуда ни возьмись набежал народ.

Молодой человек был доволен собой. И дело сделал, и, кажется, ловко отделался от охранника. Вот что значит сохранять хладнокровие. Даже если этот охранник просто посмотрел на него, без всякого подозрения, все равно он вовремя переключил его внимание.

Все хорошо, что хорошо кончается, думал Михаил Володин.

В подобных случаях многим убийцам кажется, что смерть — это конец, последняя точка в их преступлении.

4

Феликс Портнов жил в гостинице «Россия» вторую неделю.

Он мог бы жить и в более престижном отеле, но здесь он уже привык, здесь ему нравилось.

Он не впервые приезжал в Москву за последние годы и всякий раз останавливался в «России». Отсюда, с последнего этажа, как на ладони открывался Кремль. А с ним, с Кремлем, у Феликса Портнова были свои, особые отношения.

Разве мог он десять лет назад, покидая страну, как ему казалось, навсегда, предположить, что пройдет не так уж много лет, и он вернется — и как вернется!

Теперь Кремль у его ног — в самом прямом смысле.

Он почувствовал легкое прикосновение к ноге. Глаза его были закрыты, и открывать их не хотелось. Он знал, что происходит, и предвкушал то, что сейчас должно было произойти. За такие минуты, считал он, можно отдать все на свете.

— Юля... — выдохнул он, не открывая глаз.

Молодая гибкая девушка с копной черных густых волос устроилась возле него и своим влажным языком проводила по его ноге. Мурашки побежали по телу Феликса, он знал, как Юля поведет себя дальше. Ни у кого из его многочисленных любовниц не было такого фантастического умения. Только она, Юля, могла раз за разом заставлять его угасшую мужскую силу восставать практически из небытия.

Язык молодой жрицы любви скользил уже по внутренней стороне бедра. Портнов весь сжался от наслаждения, пронзительный стон вырвался из него. И наконец настал миг освобождения! Феликс выгнулся дугой, закричал в голос, задрожал... И в изнеможении откинулся на подушки.

Все...

— Ф-фу... — выдохнул он, так и не открывая глаз. — Ну ты даешь, девочка. Это фантастика!

Юля уставилась на него своими зелеными глазами и хрипловатым голосом сказала:

— Это ты меня вдохновляешь. Ты такой сексуальный, Портнов...

— И главное — богатый. — Он открыл наконец глаза и посмотрел на нее. — Что тебе больше нравится: спать со мной или получать от меня подарки?

Юля осторожно провела по его животу пальчиком.

— Подарки, — тихо проговорила она. И, загадочно улыбаясь, добавила: — А потом — трахаться, трахаться, трахаться! Это кайф.

Портнов облокотился на подушку, подмяв ее под себя.

— Да, — сказал он, внимательно глядя на девушку, — ты та еще штучка.

— Ты тоже, — не отрывая от него взгляда, хрипло ответила она. — Пойдем в душ?

Феликс кивнул:

— Пойдем. Только не вместе.

В номере было два душа, две ванны с джакузи, четыре комнаты и два телефона. Такой комфорт для Портнова готовили специально, загодя. Сам отель был, конечно, не ахти какой, но Феликса всегда ждал такой номер, какого ему не видать ни в одном другом московском отеле. Ну и вид из окна был, разумеется, не в пример другим.

После секса Феликс какое-то время не мог дотронуться до женщины, переживал нечто похожее на отвращение. Юля не была исключением. Поэтому принимать душ в одиночку сейчас ему было предпочтительнее.

За то время, что он был в душе, ничего не изменилось: Юля лежала в той же позе, в какой он ее оставил.

Вытирая мокрую голову махровым полотенцем, он спросил:

— Ты не пошла в душ?

Она смотрела на него все так же загадочно. И тем же хрипловатым голосом отвечала:

— Нет. Я хочу сохранить твой запах.

Портнов почувствовал, как желание вновь охватывает его. Пальцем он поманил ее к себе. Юля поняла сразу, чего от нее хотят.

Она сползла с постели, на коленях приблизилась к стоявшему посреди комнаты Портнову и уже распахнула полы его халата, как в это время в дверь постучали.

Не без досады Портнов отстранил Юлю.

— Марш в душ! — приказал он ей, и та, нехотя встав с колен, скрылась в душевой комнате.

— Кто? — крикнул Портнов.

— Это я, босс, — услышал он за дверью знакомый голос.

Портнов впустил гостя в номер.

— Ну? — спросил он пришедшего худощавого мужчину в светлом костюме.

— Все в порядке, — ответил тот. — Малыш сделал свое дело чисто.

Портнов удовлетворенно кивнул.

— Очень хорошо, — сказал он. — Передай ему, что я горжусь им.

— Будет сделано, Феликс Михайлович.

Портнов слегка возбудился и потер руки.

— Алекс! — сказал он своему гостю. — До сегодняшнего дня у меня не было оснований быть тобой недовольным.

— А что случилось сегодня? — спокойно спросил его Алекс.

— Кое-что случилось. Юля рассказала мне о предложении, которое ты ей сделал.

— Вот шлюха! — вырвалось у Алекса.

Портнов приподнял брови.

— Вот как? — усмехнувшись, проговорил он. — Ты уже не считаешься со мной, да?

Алекс покраснел.

— Я уверен, — ответил он Портнову, — что эта тварь рассказала вам все совсем не так, как было.

— Интересно, — заметил Портнов. — А как же все было?

Алекс загорячился:

— Феликс Михайлович, вы прекрасно знаете, как я вас уважаю! Вы знаете, что я готов жизнь за вас отдать! Не стоит доверять этой девке больше, чем вашему проверенному помощнику и товарищу.

— Так что было-то? — спокойно повторил свой вопрос Портнов.

Алекс шумно вздохнул.

— Я попросил ее беречь вас, — не глядя на своего босса, ответил он. — Я сказал ей, что она должна думать о вашем здоровье.

Портнов рассмеялся.

— Ты что — мой личный врач? — Глаза его оставались серьезными, колючими. — Откуда ты можешь знать, что вредит моему здоровью и что нет?

— Феликс Михайлович...

— Молчи, Алекс, — все так же спокойно перебил его Портнов. — Лучше послушай меня. Юля сообщила мне, что ты имеешь на нее виды. Должен тебя предупредить, что со мной шутки обычно кончаются плохо. Да ты, впрочем, и сам об этом осведомлен. Разве не так?

— Так, Феликс Михайлович.

Алекс счел за лучшее не перечить. Глаза Портнова медленно наливались яростью, и он видел это и прекрасно знал, чем это может кончиться.

Для него — ничем хорошим.

— Очень хорошо, что ты это понимаешь, — продолжал Портнов. — А теперь, будь добр, пригласи ко мне Макса и сам зайди. Будем считать инцидент исчерпанным, — добавил он.

Алекс кивнул и вышел из номера.

В комнате тут же появилась Юля.

— Ты что, — недовольно произнес Портнов, — так и не помылась?

Юля смотрела на него преданными, широко раскрытыми глазами.

— Феликс! — воскликнула она. — Ты даже не представляешь себе, что ты за мужчина! Я умереть за тебя готова!

— Все вы готовы умереть за меня, — пробурчал Портнов. — А вытащи пушку, приставь ее к вашему лбу — заверещите, как свиньи. Свиньи вы и есть.

— Феликс!

— Ты помоешься сегодня или нет?! — заорал он на нее. — Свинья!

Она моментально скрылась в душе, и через несколько мгновений оттуда послышался шум льющейся воды.

Портков хмыкнул: то-то же.

Через минуту вернулся Алекс и привел с собой Макса.* * * Два года назад Юля была самой выдающейся валютной проституткой города Североморска. Тогда семнадцатилетняя путана свела с ума главного городского «авторитета», Степана, у которого была смешная фамилия — Ломиворота и лаконичная кличка — Смерть.

У него это слово, ставшее затем кличкой, было на все случаи жизни: «Смерть как красиво», «Смерть как пожалеешь», «Смерть как я устал». Так он говорил. И хотя подобные клички в его кругу не приветствовались, эта к нему прилипла намертво. Тем более что Степан Ломиворота очень скоро делом подтвердил справедливость своей страшной клички.

С Юлей он познакомился на одном из «субботников» для проституток. Раз в месяц, а то и чаще, путанам приходилось обслуживать местную и заезжую братву. Женщин Ломиворота презирал всей своей воровской душой, а проституток вообще за людей не считал. Но после ночи, проведенной с Юлей, словно ума лишился. С того дня он не отпускал ее от себя ни на минуту, разумеется, кроме тех случаев, когда нужно было делать дела. Не брать же с собой девку.

Когда через месяц знакомства со Смертью Юля узнала, что братва куда-то отсылает ее хозяина, то облегченно вздохнула: ей казалось, что судьба наконец-то смилостивилась над ней и вновь к ней возвращается свобода. Смерть заявил ей, что она едет с ним. Как ему удалось убедить братву — это, сказал Смерть, не ее дело.

— Хорошо, — согласилась Юля, стараясь казаться спокойной. — А куда мы едем? Это я могу узнать?

— В Америку, — ответил он. — В самые что ни на есть Соединенные Штаты Америки. В Нью-Йорк.

— Мне еще нет восемнадцати, — сообщила ему Юля.

— Фигня! — презрительно отозвался Смерть. — Загранпаспорт я тебе сделаю.

Хорошо еще, что в Америку, подумала тогда Юля. Ладно, там посмотрим. Америка, говорят, не Россия. Может, это и к лучшему. Подцеплю какого-нибудь миллионера-толстопузика, и пусть Смерть катится тогда ко всем чертям собачьим.

— Смертушка! — ласково сказала она ему. — Неужели ты сделаешь меня счастливой?

Он понял ее по-своему.

— Иди сюда! — приказал он ей.

Она сникла, но бросилась к нему — привыкла повиноваться.

Это было идиотством с самого начала. Деловой не должен брать с собой телку — пусть она хоть сто раз центровая. А Юля не была центровой. Просто шлюха. Но Смерть будто с цепи сорвался и грозился пришить каждого, кто будет ему перечить.

Связываться с ним не стали. В последнее время воровские законы стали терять свою крепость и суровость. Черт с ним, махнула рукой братва. Хочет на жопу приключений — поимеет. Сам пожалеет, да поздно будет. Жизнь научит, а не научит — так тем более чего горячку пороть? Лишь бы дело сделал. А остальное — да пусть он в доску затрахается со своей прошмандовкой.

Оказавшись в Америке, Смерть первым делом поехал на переговоры к Портнову. А через неделю после этого труп Степана нашли где-то в Верхнем Манхэттене на границе с Бронксом. Юле сообщили об этом свои, русские. В тот же день ее привезли к Портнову.

— Вот что, девочка, — сказал он ей тогда. — От тебя зависит, как ты будешь жить дальше. Зачем приезжал сюда господин Ломиворота и почему он так скоропостижно скончался, тебе знать необязательно. Поверь мне, большие знания рожают большие печали. Девочка ты видная и при желании можешь кое-чего добиться. Здесь таких любят. И русская ты к тому же. Так что посмотрим, что можно для тебя сделать. — Движением ладони он отпустил своих помощников-телохранителей, и те тут же исчезли. — Подойди ко мне, — жестким голосом приказал он Юле.

Она подошла, не поднимая головы. Она знала, что самое правильное сейчас — это быть воплощением покорности.

И не ошиблась.

— Встань на колени, — приказал Портнов. — Ты знаешь, что делать?

Она опустила на колени. Дальше последовало такое, что определило ее судьбу в этой стране. Когда Портнов закричал от сладострастия, в комнату ворвались телохранители с оружием. И застыли, вытаращив глаза. У Портнова не было сил, чтобы что-то сказать им, он только слабо мотнул головой. Они поняли и вышли.

— Да ты просто чудо! — отдышавшись, сказал Портнов Юле.

Она изобразила нечто такое сразу — и смущение, и радость, и удивление.

— Сама не знаю, что на меня нашло. От тебя идет такая сила, что... хочется подчиниться ей, этой силе.

Портнов внимательно на нее смотрел.

— Далеко пойдешь, — сказал он ей. — Но смотри... Если я когда-нибудь узнаю, что ты мне говоришь не то, что думаешь, я тебя не просто уничтожу, я тебя заставлю пожалеть, что ты на свет родилась. Поняла меня?

— Да. — Только теперь она подняла на него свои зеленые глаза. — Поняла. Я не буду тебе врать. Мне это не нужно.

Портнов кивнул:

— Вот и молодец. Пока будешь жить со мной. А там посмотрим.

«Там посмотрим», как правильно поняла Юля, таило в себе перспективу попасть в публичный дом или стать просто шлюхой на панели. Это ее никак не устраивало. И она решила привязать к себе Портнова. Стать для него незаменимой. И оставаться при этом загадкой.

С того дня каждый ее шаг был обдуманным. Цель была одна — ни в чем не отказывать Портнову и в то же время держать его на чуть голодном пайке. Это было не просто поведением, а почти искусством, и она отдала себя этому целиком.

А Феликс Портнов видел все эти усилия и признавал их успешность. Его забавляли старания Юлии, но он не заблуждался — понимал, что это всего лишь старания. К любви это имело отдаленное отношение.

— Я все жду, — говорил он частенько Юлии, — когда же ты начнешь меня ненавидеть?

В ответ она дарила ему изумленный протестующий взгляд.

Такой умницы у него еще не было. И такой нежной, умелой — тоже. Ее надо беречь. Может, она вообще одна-единственная на земле такая.

Беречь и держать в повиновении.

А для этого в одной руке должен быть пряник, а в другой — кнут.

Высокий худощавый Алекс Шер, он же Алексей Шерман, и Макс Кей, он же Максим Киссерман, мужчина с внушительным брюшком, вместе с ним сейчас решали самую важную для них проблему: как «заработать» для его, Портнова, компании очередные миллионы долларов.

На этот раз этих миллионов должно было быть пять с половиной. Точнее, пять миллионов шестьсот тысяч американских долларов.

Сумма заслуживала того, чтобы им всем здорово постараться.

Феликс Михайлович Портнов был гражданином Соединенных Штатов Америки. И сегодня мало кого интересовало, что двадцать лет назад этот человек, по кличке Адвокат, тянул срок в зоне недалеко от Воркуты.

Строго говоря, Феликс Портнов никогда особо не нуждался в деньгах. Ни в детстве — мама работала в системе советской торговли, а папа — в госбезопасности (его и называли Феликсом в честь Дзержинского), ни в юности, когда в старших классах ему удавалось удачно фарцевать, промышляя валютой, ни в более зрелом возрасте, когда он, окончив юрфак МГУ, стал работать в УБХСС.

«Если незнание законов не освобождает от ответственности, то знание их может существенно облегчить жизнь» — это шутовское изречение одного доцента уголовного права стало жизненным кредо Портнова еще в студенческие годы.

Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности (УБХСС) было серьезным заведением. Именно работа здесь стала отправной точкой маршрута, который избрал для себя Портнов.

Начинал он как непримиримый борец с расхитителями народного добра и очень быстро продвинулся по служебной лестнице. В двадцать пять лет он уже был старшим оперуполномоченным милиции, капитаном. У начальства числился на хорошем счету и подавал большие надежды.

Не один раз его пытались подкупить, но он твердо держал марку неподкупного. Впрочем, был и здесь свой расчет. Как никто другой, Портнов отчетливо представлял, что может с ним случиться, если, не дай Бог, кто-нибудь из своих или чужих — из какого-нибудь братского ведомства — поймает его за руку. Слишком много недоброжелателей мечтали, когда этот паршивец Портнов споткнется. И уж недостатка в желающих попинать его не будет. Слишком много коллег ему завидовали и слишком много разных торгашей и цеховиков жаждали его краха.

К тому же что такое взятка? Если какой-нибудь теневой цеховик сделал миллион — сколько он может предложить ему, Портнову, в качестве денежной компенсации за то, что тот оставит его в покое? Ну пять, ну десять тысяч. Конечно, это огромные деньги для опера, который получает от силы двести — триста рублей. Но только не для Портнова. Десять тысяч деньги большие, но для него это малость.

И самое главное. Если ты берешь деньги, то тут же становишься обязанным дающему, начинаешь зависеть от него. А самым главным для Портнова было ощущение своей независимости. Независимости от всех!

Он терпеливо ждал своего часа. Умение ждать никогда его не подводило.

Исправно выполняя свои обязанности, он не забывал внимательно приглядываться к людям, с которыми работал. Из всего своего окружения выделил двоих: старшего лейтенанта Андрея Сивунова из своего же отдела УБХСС и водителя Ваню Матюхина. Несколько месяцев он наблюдал на ними, постепенно приблизил к себе и стал осторожно готовить к той работе, которую он для них выбрал. И когда подошел срок, Портнов не сомневался, что эти двое предложение с готовностью примут.

И не ошибся. И Андрей и Ваня были достаточно подготовлены, чтобы без колебаний принять то предложение, которое им сделал их вышестоящий товарищ. Более того, оба с восторгом ухватились за идею Портнова.

К тому времени Феликс Михайлович заработал себе большой авторитет и среди коллег, и среди хищников, с которыми вел беспощадную войну.

Все было готово. И Портнов, организовав преступную группу, начал свою темную деятельность практически без ошибок.

Первым от его банды пострадал некто Ян Абрамович Левинзон. Это был старый, известный московской элите предприниматель, который жил скромно, но скромность эта была, как выяснил Портнов, вынужденной. Предприниматель Левинзон просто не мог себе позволить жить с комфортом и размахом — его моментально упекли бы в тюрьму. Он, конечно, скрывал, что денег у него много, но это было секретом Полишинеля.

Воры его не трогали. Ограбление Левинзона было для них самоубийством, и все блатные хорошо это знали. Но Портнов имел собственное на этот счет мнение.

Коммерческие дела Левинзона не раз проверяли коллеги Феликса Михайловича, и каждый раз опытному дельцу удавалось выходить сухим из воды. Портнов, конечно, догадывался, почему это так лихо у него выходило. Феликс Михайлович, если бы захотел, сам мог бы поймать за нечистую руку своих коллег, ему даже были известны суммы, которыми Левинзон откупался, но ему это было не нужно.

Ему самому нужен был этот сказочно богатый предприниматель.

Это случилось зимней ночью семидесятого года. Портнов, Сивунов и Матюхин подъехали к дому Левинзона, когда там во всех окнах уже не горел свет. Ваня остался в машине, а Феликс и Андрей вошли в лифт, поднялись на десятый этаж и позвонили в квартиру Левинзона. Дверь была неказистой, какой-то ветхой, и Сивунов даже засомневался, туда ли они пришли. Портнов его успокоил: знаем мы эти конспиративные штучки.

Дверь долго не открывали, и Портнов позвонил еще раз: жестко, требовательно и протяжно.

Наконец за дверью зашаркали чьи-то ноги и послышался тонкий, дребезжащий голос:

— Кто?

— Откройте, милиция! — сурово ответил Портнов.

— Что надо?

— Нам нужен гражданин Левинзон.

— Зачем?

Портнов глянул на Сивунова и, набрав в грудь побольше воздуха, громко и властно проговорил:

— Открывайте, гражданин Левинзон. Моя фамилия Портнов! Я капитан из УБХСС. Слышали про такого?

Он был уверен, что Левинзон слышал. Не зря он столько времени наработывал себе авторитет.

— Портнов? — переспросил из-за двери Левинзон. — УБХСС? Капитан? А чего надо?

— Ну вот что! — разозлился Портнов. — Если вы сейчас же не откроете, мы выломаем дверь. Вы этого хотите? Я не собираюсь шутить с вами.

Но он понимал, что судьба задуманной операции повисла на волоске. Он думал, что просчитал все, но если Левинзон не откроет...

Но Левинзон уже открывал дверь. Портнов и Сивунов переглянулись и облегченно вздохнули.

— Портнов, — недовольно ворчал Ян Абрамович, громыхая многочисленными замками. — УБХСС... Ходят среди ночи, людей пугают... Чего ходят?

Замков было много. Да и с внутренней стороны дверь производила солидное впечатление, не то что снаружи.

— Здравствуйте, — сказал Феликс, переступая порог. — Я Портнов.

— Здравствуйте, — ответил хозяин. — Левинзон. Чему обязан?

При этом он бросил короткий взгляд на Сивунова, который вошел следом за Портновым.

— Ну-с? — Левинзон перевел свой взгляд на Портнова. — Не слышу, чему обязан?

— Ваша жена и дети дома? — спросил Портнов, хотя прекрасно знал, что таковых нет: Левинзон был старым холостяком.

Ян Абрамович смотрел на него с усмешкой.

— Феликс Михайлович! — назвал он вдруг Портнова по имени-отчеству. — Давайте не будем ходить вокруг да около. Я старый больной человек и привык в такое время спать. Вы прекрасно знаете все обо мне, а я знаю кое-что про вас. Поэтому не ошибусь, если скажу, что мы оба холостяки. Жены у меня нет, детей тоже. Если не возражаете, предлагаю перейти к делу. Я еще надеюсь выспаться этой ночью.

Портнов развел руками.

— Человек предполагает, а Бог располагает, — сказал он. — Кто знает, что ждет сегодня ночью всех нас?

— Вы пришли сюда поразить меня своей эрудицией? — спросил у него Левинзон. — Феликс Михайлович, пожалуйста, если вас не затруднит, переходите к делу. Ей-богу, у меня был тяжелый день.

— Что так? — с усмешкой спросил его Портнов. — Краснодарская фабрика завалила план выпуска мужских сорочек?

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Днепропетровская фабрика остановилась? — продолжал с ехидцей Портнов. — И перестала выпускать американские брюки? А, Ян Абрамович?

— Вы бредите?

— Нисколько, — мотнул головой Портнов. — Это только две фабрики, которые принадлежат вам. А их значительно больше. Вы вздумали конкурировать с государством, Ян Абрамович? Вы организовали капиталистический частнопредпринимательский синдикат, и документы, подтверждающие эту мою неожиданную мысль, лежат вот в этой папке. Вот она — под мышкой у моего помощника. Так что не будем спорить.

— Вы пришли с ордерами на обыск и мой арест, Феликс Михайлович?

— А вы думали, что вам все будет сходиться с рук до реставрации в России капитализма? У вас очень мало шансов дождаться этого.

— Вы сошли с ума, Портнов.

— Вы думаете? — быстро проговорил Феликс. — А вы не сошли с ума, Ян Абрамович?

— В каком смысле?

— Я имею в виду это ваше капиталистическое производство в нашей социалистической стране. Но ведь даже капиталисты платят налоги.

— Ах, вон в чем дело! — засмеялся Левинзон. — Так бы сразу и сказали. Но мне говорили, что вы якобы не берете. Я, разумеется, утверждал, что берут все, просто у каждого человека своя такса. И рад, что не ошибся. Впрочем, я вообще редко ошибаюсь. Сколько вы хотите, Феликс Михайлович? Могу предложить пятьдесят тысяч единовременно и по две тысячи каждый месяц.

Сивунов присвистнул и с восхищением посмотрел на своего шефа.

Портнов взглядом сбил с него это восхищение: возьми себя в руки.

— Пятьдесят тысяч — большие деньги, — сказал он хозяину. — Двести пятьдесят моих зарплат.

— Ну вот видите, — улыбнулся ему Левинзон.

Но что-то не нравилось Яну Абрамовичу в этом ночном посетителе. Не слишком обрадовался Портнов предложенной сумме. Может, стоит повысить цену? Но, черт возьми, куда же еще повышать? Он и так предложил предельную сумму, пытаясь поразить воображение самого неподкупного в Москве мусора. И что? Нет, не нравится ему Портнов...

— Вы правы, — сказал ему Феликс. — У каждого человека действительно своя цена. Так что показывайте свои деньги.

Ян Абрамович с трудом сдержал вздох облегчения.

— Одну минуту, — сказал он. — Подождите меня немного здесь. Я вынесу вам деньги, и, надеюсь, с этого дня мы станем друзьями.

— Мы пойдем с вами, — заявил Феликс.

Левинзон с укором посмотрел на гостей. Нет, не нравилось ему все это. Да и то сказать: кому такое понравится? Пришли ночью, претензии какие-то...

— Это лишнее, — возразил хозяин.

— Позвольте нам решать, что здесь лишнее, а что нет, — отрезал Портнов. — Ведите нас, Ян Абрамович, мы горим желанием увидеть сокровища Али-Бабы.

Левинзону ничего не оставалось, как повернуться к ним спиной и отправиться в спальню.

— Неужели вы держите такие деньги дома? — весело спрашивал Портнов, идя вслед за хозяином.

Левинзон не отвечал. Нехорошее предчувствие сковало его душу, но он все еще надеялся, что все обойдется.

Около широкой кровати хозяина стояла самая обычная, ничем не примечательная тумбочка. Но при ближайшем рассмотрении она оказалась хорошо оборудованным сейфом. Какое-то время Левинзон кряхтел над ним, загоразивая обзор спиной, чтобы гости не видели шифр, который он набирал. Наконец сейф открылся.

Ян Абрамович вытащил из него шесть пачек сторублевых и протянул их Портнову.

— Здесь шестьдесят тысяч, — сказал он. — Десять — вашему помощнику.

— А Козлевичу? — поинтересовался Портнов.

— Какому Козлевичу? — не понял Левинзон, хотя читал Ильфа и Петрова и этот персонаж был ему знаком. — Я не знаю никакого Козлевича!

Портнов укоризненно покачал головой.

— Так мы не договаривались, Ян Абрамович, — сказал он. — Ну хорошо, меня вы купили за пятьдесят косых, но про моего напарника мы ведь пока и словом не обмолвились.

— Но я же даю ему десять тысяч! — напомнил хозяин.

— А почему не миллион? — спокойно спросил Портнов. — Откуда вы знаете, какая цена у моего напарника? А, Ян Абрамович?

Левинзон с отчаянием посмотрел на Сивунова. Только теперь до него стал доходить смысл происходящего.

— И сколько же он хочет? — выдавил из себя хозяин.

Портнов и Сивунов переглянулись. Затем Портнов перевел взгляд на Левинзона и жестким голосом произнес:

— Миллион.

— Что?!

— Миллион, — повторил Портнов.

— Вы с ума сошли!

— Что же это такое, а, Андрюха? — усмехнулся Портнов, обращаясь к своему напарнику. — Он все время талдычит нам, что мы рехнулись. Кажется, он так ничего и не понял. Посмотри-ка, что там у него в этой тумбочке.

Сивунов кивнул и сделал шаг вперед. Левинзон преградил ему путь:

— Не пушу!

Не говоря ни слова, Андрей коротким ударом в подбородок отправил хозяина на пол. Старик упал и затих.

В тумбочке-сейфе было еще сто двадцать тысяч. Андрей восхищенно смотрел на Портнова.

— Ты гений, Феликс!

Портнов тронул носком ботинка безжизненное тело Левинзона.

— Ну-ка, приведи его в чувство, — приказал он.

Сивунов опустил на корточки и пошлепал Яна Абрамовича по щекам. Тот застонал и открыл глаза. Увидев снова этих ночных бандитов, тихо спросил:

— Что вы делаете?

У него уже не было сил ни бояться их, ни разбираться с ними.

Портнов подошел к нему.

— Мы пришли за миллионом, — медленно и внятно произнес он. — И этот миллион у тебя есть. В тумбочке оказалось всего сто восемьдесят тысяч. Для меня это — пустяк, мелочь. Ты понял? Мне нужен миллион.

— Вы с ума сошли! — опять повторил свое Ян Абрамович.

Портнов глянул на Сивунова.

— У него просто мания, — сказал он. — Он так и хочет видеть нас сумасшедшими. Давай-ка утюг, Андрюха. Будем учить человека уму-разуму.

Левинзон сразу понял, что это означает. Он слышал от своих знакомых о бандитских налетах, о страшных способах вымогательства. Ему казалось, что уж он-то себя от подобного избавил. С преступным миром обо всем договорился. Но он и в страшном сне не мог себе вообразить, что вымогательство последует от образцовых сотрудников московского ведомства по борьбе с экономическими преступлениями.

Именно потому, что эти двое были не обычные уголовники, а самые что ни на есть представители этого сраного закона, Ян Абрамович понял, что они не остановятся на достигнутом. И если они берут в руки утюг, значит, действительно будут его пытаться, а не просто пугать. Такие оборотни способны на любое зверство.

Он отдал им все, что было в квартире. Деньги в рублях, в валюте, золото, драгоценности. Конечно, это были не последние его деньги, но удар был ощутим. Он хотел в эту минуту только одного: чтобы они ушли и оставили его наконец в покое. Потом он разберется со своими обидчиками, главное было в эту ночь остаться в живых. И он выполнил все, что требовали от него Портнов и Сивунов.

Он отдал им без малого миллион.

Это было первое блестяще проведенное «дело» Феликса Портнова.

Впереди, думал он, большая дорога. И он пройдет по ней победителем.

Сидя в номере гостиницы «Россия», гражданин США Феликс Портнов внимательно слушал доклады своих нынешних помощников — Алекса и Макса.

— Можно подводить черту, — сказал Алекс. — Мои ребята в полной готовности и рвутся в бой. Насмотрелись по видику американских боевиков.

— Я люблю эти наши боевики, — улыбнулся Макс. — Мы умеем их делать.

Все трое были в Америке эмигрантами. Но если Алекс и Феликс считали эту страну все-таки чужой, то Макс полностью растворился в новой среде и про все американское говорил «наше». Он стал большим патриотом Штатов, этот Макс.

Впрочем, это не мешало ему оставаться нужным для Портнова человеком.

— А ты что скажешь? — обратился к нему Портнов. — У тебя как?

Макс удивленно на него воззрился.

— Но, босс... — сказал он. — Я же все доложил. Если я что-то не так рассказал...

— Ты уверен, что этот «черный нал» отправится именно в тот момент, который указали ваши программисты?

— Конечно! — Макс удивленно смотрел на него. — Когда мы ошибались, шеф?

— О'кей, — кивнул Портнов. — Ладно. Значит, все решено. Как говорится, деньги подсчитаны — будем брать.

— Будем, — одновременно кивнули Макс и Алекс.

Портнов отпустил их. Они поклонились и вышли.

Под итальянцев играют, глядя им вслед, усмехнулся Портнов. Действительно, насмотрелись разных «спрутов» и «крестных отцов». Церемонии такие развели, посмотреть любодорого.

Что-то я нервничаю, неожиданно поймал он себя на мандраже. Что-то должно произойти, я это чувствую, но что именно. И эта неизвестность мне не нравится.

Он подошел к окну и долго смотрел на Кремль.

Ты не представляешь, думал он, глядя на эту драгоценность Москвы и всей России, да и откуда тебе знать, какую жирную, огромную свинью я собираюсь тебе подложить.

Он снял телефонную трубку:

— Портье?

— Да, — ответили ему.

— Принесите мне водки.

— Пятьдесят граммов? Сто?

— Бутылку.

— Какую закуску желаете?

— Соленый огурец.

— Просто соленый огурец?

— Просто соленый огурец.

Он снова подошел к окну. И долго-долго, словно дожидаясь какого-то ответа, вглядывался в Кремль.

Глава вторая

Из записок Турецкого

1

Сегодняшнее утро началось с того, что Ирина Генриховна заявила мне, что подает на развод.

Ирина Генриховна — моя пока еще законная супруга, но в силу определенных причин в последнее время я называю ее не иначе как по имени-отчеству.

Вообще-то Ирина не в первый раз собралась со мной разводиться, но сегодня она была настроена особенно воинственно. Я хотел ей напомнить, что развод касается не только нас двоих, есть у нас и третий человек — дочь Ниночка. Но Ирина пребывала в такой ярости, что все равно бы меня не услышала.

На своем веку я немало повидал женской ярости — по долгу службы, так сказать. Кто не знает, могу сообщить свою должность: старший следователь по особо важным делам при Генпрокуроре России Александр Борисович Турецкий.

Так вот: видел я женщин в ярости, но такую, какой была Ирина сегодняшним утром, видеть не доводилось.

Это была не женщина и даже не разъяренная фурия — это была никому не подвластная стихия, с которой бороться совершенно безнадежно.

Я и не боролся.

Собственно, ничего нового я о себе не узнал. Претензии все те же, что и всегда: я плюю на семью, я шляюсь ночами, ребенок меня не видит, работаю слишком много, ночью черт знает где и при такой жизни обязательно скоро сдохну.

В общем, сгорю на работе.

Но этот тон, господа, эти интонации, эти испепеляющие взоры... Короче, я едва успел накинуть что-то на себя и, втянув в плечи голову, поспешил из дома вон.

Ну и жизнь! Как будто на работе мало неприятностей.

Да, господа, как ни прискорбно мне об этом говорить, но супружеская жизнь моя как-то незаметно и естественно въехала в какой-то тупичок. Когда собственную жену по имени-отчеству величаешь — дальше ехать некуда.

Конечно, можно было избежать всего этого накала страстей, если бы я вовремя принял меры. Но я вел себя беспечно, и несколько недель назад моя супруга, мать моего ребенка, торжественно мне объявила: я, мол, гражданин Турецкий, с тобой больше разговаривать не намерена.

Больше всего меня задело слово «гражданин». Будто я подследственный. И потом, если ты называешь меня гражданином Турецким, то почему на «ты»? Короче, я вышел из себя.

— Вот что, Ирина Генриховна, — сказал я. — Вы мне все время говорите, что я чужой вам. С этого момента я называю вас по имени-отчеству и ночью на диване. Прошу понять меня правильно.

Но она поняла меня, естественно, неправильно. Она тут же решила, что я завел себе любовницу, что было явной неправдой: я не могу встречаться постоянно с одной и той же женщиной. И если уж говорить о любовницах, то только во множественном числе. Извините за подробность. Если быть честным, положив руку на сердце, то все давно шло к этому. Уж не знаю, за что невзлюбила меня моя жена, но последние месяцы жизни как таковой у нас не было. Я уж не говорю о сексе.

Даже думать не хочу, чем я ей так стал невыносим. О себе на этот счет помолчу. Пока.

2

Приехав в следственную часть, я поднялся в свой кабинет. Несмотря на довольно раннее время, Лиля Федотова, член моей следственной группы, уже сидела за своим рабочим столом и делала вид, что работала.

А может, и вправду работала — плохо я разбираюсь в этом. Мне часто кажется, что у молодых работа на втором месте, а на первом — любовь, развлечения, танцульки.

Лиля — тоже следователь, мы делим кабинет на двоих. Это удобно — она помогает мне в расследовании ряда дел.

Ее совсем недавно утвердили в должности следователя Генпрокуратуры. Я надеялся, что этот отрадней для нее факт каким-то образом повлияет на длину ее юбок. (У меня в глазах мерцало от ее бесконечно длинных ног. Ноги у Лили красивые, и это постоянно отвлекало меня, так сказать, мешало работе.) Однажды мне даже показалось, что она вообще без юбки пришла. Но оказалось, что это были такие шорты.

Раньше, когда Лиля Федотова работала в Мосгорпрокуратуре и была временно включена в мою бригаду, это был совсем другой человек. Я даже предполагал, что она в меня влюблена: так восхищенно и преданно поглядывала она на меня. Но вот она стала работать в штате Генпрокуратуры, под моим началом — и куда что подевалось. Теперь это была уверенная в себе, независимая девушка с собственным взглядом и суждениями о многих вещах. Теперь я стал думать, как бы подкатиться к ней.

И вот предлагаю ей потолковать о деле, находящемся в ее самостоятельном производстве, решил помочь как опытный «важняк» неопытному молодому специалисту.

И что же? Просто ошеломляющий отказ получил я от девчонки, которая совсем недавно заглядывала мне в рот, едва я только его открывал.

С тех пор в свободное от следственных действий время я мечтал о том, как бы организовать нашу встречу в какой-либо пустующей квартире.

— Здравствуйте! — поприветствовал я ее и прошел к своему столу.

Бумаг на нем было немерено.

Лиля подняла голову и как бы только что меня увидела.

— Здравствуйте, Александр Борисович, — неожиданно приветливо поздоровалась она. — Что-то вид у вас неважный. С женой поругались?

— А что, заметно? — удивился я.

Она смотрела на меня с жалостью.

— Увы, Александр Борисович. У вас скорбное выражение лица.

Я посчитал за лучшее промолчать. Какое-то время мы сидели в полной тишине, и только изредка я ловил на себе ее косые взгляды, полные нескрываемого любопытства.

— Что у нас нового по ограблению Бета-банка? — спросил я.

Вместо ответа на мой вопрос Лиля посмотрела на свои наручные часики.

— У вас еще есть двадцать минут, — сказала она мне.

Я уставился на нее в недоумении:

— Чего?

— Через двадцать минут вас ждет к себе Константин Дмитриевич, — пояснила Лиля. — У него какое-то срочное совещание. Просил вас предупредить.

— Я давно уже в кабинете, — хмуро заметил я. — Неужели трудно было сразу сказать о совещании?

Но на Федотову моя хмурость не произвела впечатления. Она глянула на меня через плечо и ответила:

— А что случилось? До совещания еще семнадцать минут. Вы не опоздаете. И вообще — не хмурьтесь, никто не виноват, что вы с женой поругались.

— Это не ваше дело, — не нашелся я что ответить.

— Так точно, не мое, — согласилась Лиля. — Можете пренебрегать своей женой сколько вам угодно. А у меня дела. Мне нужно составить постановление о предъявлении обвинения.

Я остыл. И даже почувствовал легкие угрызения совести. И чего, в самом деле, выдумываю? Но не извиняться же теперь перед этой заносчивой дамочкой?

— Во сколько совещание?

Она снова посмотрела на свои часики:

— У вас есть еще пятнадцать минут.

Ф-фу! Вот где мне эти женщины! Как это там? «Карету мне, карету!» Только куда тебе из Москвы, Турецкий? Терпи и не бушуй.

Чтобы не наговорить еще каких-нибудь глупостей, я встал и вышел из кабинета. За оставшееся до оперативки время можно спокойно выкурить сигарету.

А еще лучше — две.

3

В кабинете заместителя Генерального прокурора России по следствию Константина Дмитриевича Меркулова, моего друга и шефа Главного следственного управления, кроме хозяина кабинета и вечного врио-начальника МУРа Славы Грязнова, тоже хорошего моего товарища, сидели еще трое мужчин весьма представительного вида.

С первыми двумя я, можно сказать, прошел большой и нелегкий путь: вместе мы раскрыли немало сложных и запутанных преступлений. Остальные трое были мне незнакомы. Меркулов, впрочем, быстро устранил это обстоятельство.

— Знакомьтесь, — сказал он, едва я появился на пороге. — Старший следователь по особо важным делам Александр Борисович Турецкий. — Указав на незнакомых мужчин, он обратился ко мне: — А это представители крупнейших московских банков, Саша.

Игнорируя Грязнова — успеется, еще поздороваемся, — я стал пожимать руки гостям Меркулова.

— Александр Аркадьевич Горшенев, — сказал первый из них, — представитель Бета-банка.

— Турецкий.

— Фаизов Ильдар Николаевич, — назвал второй, пожимая мне руку. — Банк «Россия».

— Цой Роберт Ильич, — сказал третий. — Банк «Ройяль».

— Турецкий, — произнес я и удивился: — «Рояль»? Почему — «Рояль»?

— «Ройяль», — нажимая на «и краткое» посреди слова, поправил меня Роберт Ильич. — Это значит — королевский.

— Ах вон оно что! — почему-то обрадовался я.

Грязнов кивнул мне и не преминул вмешаться:

— Не обращайтесь внимания на некоторые особенности поведения господина Турецкого. Он очень любит театр. Иногда играет и в жизни. Но подтверждаю: перед вами один из лучших «важняков» прокуратуры.

— Спасибо на добром слове, — поклонился я. — Куда прикажете сесть, господа хорошие?

Меркулов, разумеется, тут же меня одернул.

— Хватит, Саша, — строго проговорил он. — Садись, куда хочешь. — Он подождал, пока я сяду, и обвел глазами всех присутствующих. Ну что ж. Пожалуй, мы можем начинать.

У мужчин из банков был непроницаемый вид. Первым начал представитель Бета-банка Горшенев. Хорошенько прокашлявшись, он начал:

— Дело вот в чем, господа. В последнее время сложилась ситуация, которая в нас, работников банковской системы, вселяет определенные опасения. Я бы сказал даже, что не просто опасения, а серьезную тревогу.

На какое-то время за столом воцарилась тишина. Горшенев словно побаивался продолжать.

Меркулов помог ему:

— В чем же заключается ваша проблема? Мы, конечно, можем кое о чем догадываться, но, видите ли, для нас в некоторой степени неожиданность то, что вы пришли сюда вместе. Насколько я понимаю, в вашем бизнесе вы являетесь конкурентами?

Вопрос был риторическим, но Горшенев счел нужным на него ответить.

— В общем-то это так, хотя представления о конкурентной борьбе между банками в сознании обычного обывателя носят, как правило, уродливые представления...

Мне пришлось вмешаться.

— Константин Дмитриевич не совсем обычный обыватель, — заявил я этому чем-то напуганному, но не потерявшему самоуверенности банкиру. — Он не из тех обывателей, которые любят рыбалку, но не ездят на нее из-за боязни подхватить простуду.

Меркулов посмотрел на меня и досадливо поморщился. И, переведя взгляд на Горшенева, мягко предложил:

— Продолжайте, пожалуйста, Александр Аркадьевич. Так что вас тревожит больше всего?

Горшенев продолжил:

— Дело в том, что происходит нечто странное. За последнее время, как вы знаете, несколько банков подверглись ограблениям.

Меркулов бросил взгляд в мою сторону: мол, не выскакивай, веди себя спокойно и внимательно слушай.

— Так вот, — продолжал Горшенев. — Сначала это... как бы это точнее выразиться... сначала это вызвало у меня одно серьезное подозрение. Особенно после того, как был ограблен наш Бета-банк. Я, как мне показалось, утвердился в этом своем подозрении. А после того, как я поговорил на эту тему с коллегами из других банков, у меня исчезли последние сомнения. Как и у моих коллег.

— Так в чем же у вас теперь нет сомнений? — терпеливо спросил у него Меркулов.

Горшенев помолчал, будто собираясь с духом, а потом вдруг как-то по-мальчишески выпалил:

— Им все известно!

Я увидел, как Меркулов и Грязнов посмотрели друг на друга. То, что они как бы проигнорировали мою особу, сильно меня озадачило. Очень интересно...

— Кому — им? — спокойно спросил Меркулов, хотя ответ на этот «оригинальный» вопрос лежал на поверхности.

— Преступникам, — ответил Горшенев. — Тем, кто грабит наши банки.

— Что, по-вашему, им известно?

— Боюсь, что все, — тяжело вздохнул Горшенев. — Наши счета, передвижение финансов, смысл договоров с предприятиями.

Фаизов и Цой смотрели прямо перед собой. По всему было видно, что то, о чем говорит Горшенев, с ними согласовано и одобрено ими.

У представителя Бета-банка, говорили они всем своим видом, есть полномочия говорить и от имени наших банков.

— Откуда у вас такие сведения? — продолжал расспрашивать Меркулов.

Александр Аркадьевич поправил узел галстука и расстегнул воротник, словно ему стало душно.

— Это не совсем сведения, — ответил он, — это скорее наши умозаключения. Результат анализа наших служб безопасности.

— Ваши службы безопасности работают вместе?

— То-то и оно. Поначалу работали по отдельности, но пришли к совершенно идентичным выводам.

Меркулов какое-то время молчал, потом посмотрел на Грязнова, на меня и так же внимательно посмотрел на каждого из гостей.

— Хорошо, — сказал он. — О том, на чем основываются эти выводы, мы поговорим позже. Меня интересует, как конкретно они звучат.

— Звучат они зловеще, — вмешался Фаизов. — Им известно не только то, о чем говорил здесь Александр Аркадьевич, но и еще кое-что. Например, когда обналичиваются крупные суммы, предназначенные для перевозок. И это не только настораживает, но и пугает. Если передвижение счетов и вообще все, что связано с финансами и безналичными расчетами, можно объяснить элементарным взломом защитной системы наших компьютеров, отчего им становится известен банк всех наших данных, то объяснить их осведомленность о перевозках наличных сумм лично мне представляется очень затруднительным. Я бы даже сказал, что в некоторых случаях это просто невозможно. Но они почему-то обо всем знают.

— Но разве вы не заносите в компьютер обналичивание? — спросил Меркулов, не сводя взгляда с Фаизова. — Разве без этого можно вообще обналичивать деньги?

Фаизов охотно ответил:

— Боюсь, вы не понимаете, о чем идет речь. Чтобы обеспечить полную секретность, данные об обналичивании заносятся в компьютер за минуту до того, как начинается операция по перевозке. За это время невозможно раскрыть эту, мягко говоря, служебную тайну. Я уже не говорю о том, чтобы спланировать ограбление. А у них, надо признаться, это получалось лихо.

— Даже слишком, — встрепенулся молчавший до сих пор Роберт Ильич Цой.

— Ну что ж, — сказал Меркулов. — Если я правильно вас понял, главный вывод, которым вы решили поделиться с нами, заключается в том, что преступникам каким-то образом известно все, что делается в ваших банках. Так?

— Совершенно верно! — подтвердил Горшенев.

— И, как нам кажется, — добавил Цой, — дело здесь совсем не в проникновении в компьютерный банк наших данных. Точнее, не только в этом.

— У вас есть какие-то предложения, пожелания? — спросил у них Меркулов.

У банкиров был уже заранее приготовлен ответ на этот вопрос.

— Мы решили, — сказал Горшенев, — назначить премию. В случае успеха вашего расследования все три наших банка переведут на счет Генеральной прокуратуры России по полмиллиона долларов. Думаю, что чуть позже к нам присоединятся еще некоторые солидные банки.

И тут Грязнов подал голос.

— Между прочим, — заговорил он немного обиженно, как мне показалось, — здесь не только прокуратура, я представляю МВД, точнее, Московский уголовный розыск, то есть МУР.

Меркулов, успокаивая его, поднял вверх ладонь.

— Разберемся, — сказал он. — Братьев по оружию мы никогда не забывали. В сущности, господа, предложение ваше, наверно, дельное, а умозаключения не лишены смысла. Разумеется, с вашей помощью мы проведем тщательное расследование. У нас уже есть соображения

на этот счет. Можно сказать, что мы уже выработали определенное решение. — Он взглядом погасил вспыхнувший в моих глазах вопрос. — Что касается вознаграждения, не думаю, что найдется какая-то причина нам отказываться от него. У прокуратуры, как и у всех, есть дыры, которые нужно латать.

Он встал, всем своим видом давая понять, что совещание закончено. Разумеется, все остальные встали тоже, включая и меня.

— До свидания, господа, — попрощался Меркулов с посетителями.

Взглядом он приказал мне и Грязнову остаться.

Господа банкиры покинули кабинет. Я бы сказал: важно удалились.

Меркулов обратился к оставшимся, то есть ко мне и Грязнову.

— Ну? — спросил он. — Что скажете?

Грязнов мечтательно вздохнул.

— Полмиллиона долларов! — Он даже пальцами прищелкнул. — И есть перспектива эту сумму увеличить. Я согласен на треть.

— Не раскатывай губу раньше времени, — остановил его Меркулов. — Эти денежки еще заработать надо. Да и не за денежки работаем.

— Вам не платят зарплату? — жалостливо посмотрел на нас Грязнов.

— Не в этом дело, — оборвал его Меркулов. — Работать надо в любом случае — платят, не платят.

— Кстати, — вспомнил я. — Что там за гениальное соображение, даже решение, о котором совсем недавно ты здесь вел речь?

Меркулов перестал брюзжать, настроился на деловой лад.

— Собственно говоря, за этим я и пригласил вас сюда, господа хорошие, — сказал он.

— Да? — поддел его я. — А я думал — только из-за этих акул нарождающегося капитализма.

— И из-за них тоже, — с неудовольствием глядя на меня ответил Меркулов. — Но разговор с ними — всего лишь прелюдия к нашей беседе.

Мне не нравился его тон. Какой-то не по-меркуловски торжественный, если не сказать — напыщенный. Что это его сегодня так разобрало?

— Итак, — продолжал заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Константин Дмитриевич Меркулов, — принято решение, причем на самом верху, — создать специальную следственно-оперативную группу на базе следственной части нашей прокуратуры и Московского уголовного розыска.

Грязнов спросил:

— Речь идет о расследовании дел об ограблениях банков?

— Так точно, — кивнул Меркулов. — Эта группа, о которой идет речь, получает кодовое название «Пантера».

— Вот так, да? — не удержался я. — А почему именно пантера? Не тигр, не осел, к примеру?

— Ты против? — поморщился Меркулов.

Действительно, зачем это я?

— Да нет, — пожал я плечами. — Мне все равно, хоть кенгуру.

— Итак, группа именуется «Пантера», — повторил Меркулов и взял в руки лист, лежавший на его столе. — В группу входят тринадцать следователей прокуратуры и милиции, шестнадцать оперативников и тридцать силовиков-милиционеров.

— Это что, готовый список? — вспыхнул Грязнов. — Ты составил список без согласования со мной? Откуда известно, кого именно я намеревался включить в эту группу из числа моих людей?

— Этот список касается только работников следственной части Генпрокуратуры, — объяснил ему Меркулов. — Список ваших людей я жду у себя на столе к четырнадцати часам.

— Но... — попробовал возразить ему Грязнов, однако Меркулов перебил его, причем довольно жестко.

— Никаких «но»! Решение согласовано с твоим министром. Так что будь добр — к четырнадцати часам.

Я с утра был не в своей тарелке, все мне было что-то не так, и сейчас еще несло по наезженной колее.

— Я не против этого решения, — сказал я, — группа сможет неплохо поработать. Но не кажется ли тебе, Костя, что уж слишком все это с большим размахом? Не получится ли, что наша громоздкая пушка будет стрелять по воробьям? Фигурально, конечно, выражаясь.

Но моя образная речь разгневала Меркулова. Он затрубил, как раненый слон:

— Я эту группу не карандашиком на листке сочинил! Я ее пробил в инстанциях! Знаешь, сколько пришлось уговаривать шефов различных ведомств! Работать совместно, я имею в виду нас, МВД, ФСБ и прочие силовые структуры. Намного лучше, чем порознь...

— Не мог бы ты выражаться спокойнее? — сказал ему я. — Раз ты понимал, что создание такой мощной оперативно-следственной группы жизненно необходимо, значит, ты представлял себе, против кого собираешься бороться сам и против кого нацеливаешь нас, прокурорских и милицейских следователей и оперсостав МУРа?

Меркулов утих и кротко ответил:

— Представлял.

— Ну так посвяти же и нас, — предложил ему я.

Грязнов с интересом смотрел на нас обоих.

— Да! — сказал я. — И будьте любезны, господин государственный советник юстиции второго класса, объясните, почему я, ваш ближайший друг и помощник, ни ухом ни рылом не знал о ваших намерениях? Что за тайны мадридского двора?

Костя не удостоил меня ответом. Обратился к нам с чем-то совсем другим.

— Скажите мне оба, кто из вас слышал о некоем Портнове Феликсе Михайловиче?

— Как? — насторожился Грязнов.

— Портнов Феликс Михайлович, — повторил Меркулов, глядя на Грязнова.

Я тоже поглядел на Славу. Мне это имя ничего не говорило.

— Боюсь ошибиться, — сказал Грязнов, — но не далее как вчера мне докладывали о нем.

— Докладывали? — заинтересовался Меркулов. — В связи с чем? Я имею в виду — в связи с каким делом?

— В связи с убийством в отеле «Балчуг» некоего господина Грымова, — ответил Грязнов. — Дело в производстве Московской прокуратуры, а розыск ведем мы.

— Да, — сказал Меркулов. — Мне уже известно об этом убийстве гражданина Италии. Ну так что же тебе докладывали? Каким боком в нем замешан Портнов?

— Этот потерпевший Грымов должен был с ним встретиться в вестибюле отеля, — ответил Грязнов. — Но Портнов на встречу не пришел.

— Не пришел? Почему?

— Объяснение у него довольно странное, — усмехнулся Грязнов. — Говорит, что забыл, да к тому же Грымов показался ему несерьезным бизнесменом.

— Интересно, — задумчиво произнес Меркулов. — Значит, они договариваются о встрече, Портнов не приходит потому, что, как он говорит, забыл об этой встрече, а в это время Грымова убивают. Так?

— Совершенно верно, — подтвердил Грязнов.

— Интересно, — повторил Меркулов и потер руками щеки. — Ну что ж. Совпадает.

— С чем совпадает? — поинтересовался я.

Вы не будете, наверное, слишком удивлены, читатель, если я скажу, что чувствовал себя в этот момент полным идиотом. В кругу друзей со мной еще такого не бывало.

— Вот что, ребята, — довольно бодрым голосом сказал Меркулов. — Я тут дал поручение навести кое-какие справки. Феликс Михайлович Портнов прибыл в нашу столицу где-то полгода назад. Арендовал на ВВЦ немалые площади для своей фирмы «Нью-Мос». Стал заключать договора с нашими российскими фирмами. А приблизительно через месяц после того, как он появился в Москве, начались все эти ограбления банков.

Я был на них обижен, поэтому сказал:

— Ну и что? Мало ли кто приехал к нам полгода назад? Для нас, юристов, все это туфта, пустое сотрясение воздуха. Совпадение.

— Вполне, — легко согласился со мной Меркулов. — Это вполне может оказаться совпадением. Мало ли кто к нам приезжает, верно? Я бы не стал цепляться за этого Портнова, если бы не одно очень важное обстоятельство.

— Не томи, — попросил я его. — Колись, начальник. Что за обстоятельство такое?

— Месяца три назад, — начал рассказывать Меркулов, — он ко мне приходил.

— Он приходил? — удивился я.

— Неужели сам? — не поверил Грязнов.

— Портнов, — подтвердил Меркулов, — приходил сюда, в этот кабинет, и имел со мной, так сказать, дружескую беседу.

— И чего он хотел? — Меня распирало любопытство, хотя и знал, что Костя расскажет ровно столько, сколько посчитает нужным, ни слова больше. — Что хотел от тебя этот Портнов? Взятку небось сулил?

— А ты знаешь, Саша, — неожиданно рассмеялся Меркулов, — ты прав. Прав! Он действительно приходил для того, чтобы всучить мне взятку.

— Врешь! — ахнул я.

Это было уж слишком. Я, разумеется, шутил, говоря о взятке. Нужно быть безумцем — предлагать взятку заместителю Генерального прокурора России. И к тому же надо хоть немного знать Меркулова.

— Нисколько, — ответил Костя. — Именно это он мне и предлагал. Только завуалированно. Хотя и довольно прозрачно.

— Давай подробности, — попросил я.

— В общем, так, — продолжал Меркулов. — Для начала скажу, что Феликс Портнов был когда-то моим однокурсником. На юридическом факультете.

— М-да. Жизнь — штука интересная, — заметил я.

Грязнов глянул на меня волком: помолчи, дай послушать.

— Да, — повторил Меркулов, — моим однокурсником. Только впоследствии наши дороги разошлись основательно. Он пошел в бандиты, я — в юриспруденцию.

— В бандиты? — удивился Грязнов.

— Ничего удивительного, — заметил я. — Самые лучшие бандюги всегда выходили из стен юридического факультета МГУ. Продолжай, Костя.

— Ну вот, — продолжил он. — Гремела в семидесятых годах такая банда — «Ночные волки». Может, слышали? В Москве много было о ней разговоров.

— Я что-то такое слышал, — с сомнением проговорил Грязнов. Он вдруг вздохнул. — Жаль, Шурочки с нами нет больше.

Александра Романова — бывший начальник МУРа и шеф Грязнова — недавно погибла. Нам всем ее очень не хватает, не только Грязнову.¹

¹ См. роман Ф. Незнанского «Контрольный выстрел» (М., 1996).

— Да, — глухо проговорил Меркулов. — Она-то наверняка могла бы многое нам рассказать об этой банде. Жестокая была группа, даже по нынешним страшным временам.

— Ну хорошо, — сказал я, — так что эти «Ночные волки»? Портнов, как я понял, состоял в этой банде?

Меркулов посмотрел на меня и усмехнулся.

— Не совсем так, — сказал он. — Он не только в ней состоял, он еще был организатором и вдохновителем этой, как ты правильно говоришь, банды. Он был ее главарем.

— И его не расстреляли? — уточнил я на всякий случай.

— Его приговорили к расстрелу, — ответил Меркулов, — но потом расстрел заменили пятнадцатью годами лишения свободы. В честь шестидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции.

— И здесь большевики, — сказал я. — Сколько невинных людей ухлопали за все годы своей власти, а когда действительно нужно было шлепнуть одного гада — помилосердствовали.

— Не будь таким кровожадным, Саша, — сказал Грязнов. — На тебя это совсем не похоже. Впрочем, ты сегодня вообще на себя не похож.

Я промолчал. Что, рассказывать им о конфликте с Ириной? Обойдутся.

— Ну? — сказал Грязнов, обращаясь к Меркулову. — А дальше?

Костя пожал плечами.

— А дальше, как оказалось, Портнов очутился за границей. В Соединенных Штатах.

— Как это могло произойти? — спросил я Меркулова. — Во-первых, он мог выйти из заключения только в девяносто втором году. А судя по тому, что ты тут рассказал, он уже довольно давно вкушает плоды цивилизации. Западной, я имею в виду. Во-вторых, судимых в Америку не пускают. Или я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаешься, — подтвердил Грязнов. — Вообще-то въезд в Штаты судимым и бывшим членам КПСС запрещен, но вспомни Япончика. Он устроил себе фиктивный брак с американкой и скрыл свои судимости. Как Портнов оказался на свободе, а затем в Штатах? Его не могли выпустить за примерное поведение раньше срока. Думаю, тут все нечисто.

Меркулов поднял вверх руку, призывая к вниманию.

— В восемьдесят четвертом году, когда у власти был Черненко, — объяснил он, — дело Портнова было пересмотрено, Верховный суд обнаружил в деле новые обстоятельства, которые возникли при расследовании другого дела. Эти новые обстоятельства свидетельствовали, что самые тяжкие обвинения были инкриминированы Портнову ошибочно.

— Как так? — вырвалось у меня.

Меркулов послал мне иронический взгляд.

— Ты, я вижу, невзлюбил этого Портнова, — сказал он, усмехаясь, — хотя и не видел его ни разу.

Мне ничего не оставалось, как согласиться.

— Есть маленько, — кивнул я, — чувствуется в этом Портнове что-то зловеще-паразитическое. Ну так что там дальше было с этим безвинно пострадавшим монстром?

— При пересмотре дела в порядке надзора Верховный суд признал: многие эпизоды вменены Портнову бездоказательно. И ему резко снизили срок. Уже в конце восемьдесят четвертого он вышел на свободу.

— Повезло мерзавцу, — сказал я.

— Повезло, — согласился Меркулов. — Через несколько месяцев он эмигрировал. Как сложилась его дальнейшая судьба, не знаю. Этим по нашей просьбе сейчас занимаются люди из параллельного ведомства.

Мы слушали его внимательно. Меркулов закончил тем, с чего начал:

— Итак, он ко мне приходил три месяца назад. И предлагал сотрудничество.

— Ну конечно, — сказал Грязнов. — Сейчас взятки прямо не предлагают. Сейчас предлагают сотрудничество.

— Именно это он мне и предложил, — подтвердил Меркулов. — Он хотел, чтобы я раз в месяц рассказывал ему, что делается в нашей епархии. В интересующей его экономической сфере. За это он бы платил мне приличные деньги, так сказать, гонорар за информацию.

— И что он называл приличными деньгами? — любопытно спросил я.

— Пять тысяч долларов в месяц, — неожиданно суровым голосом произнес Меркулов. — И столько же — за информацию, которая может вызвать у него интерес.

Я присвистнул:

— Пя-ать тысяч? За кого он нас принимает?

— А ты за сколько бы согласился? — криво улыбнулся Меркулов.

— Не надо инсинуаций, — предупредил я. — Это не меня, а вас покупали, шеф!

Грязнов смотрел на нас без одобрения.

Но в меня словно бес вселился.

— Кстати, а что ты ему ответил, этому наглецу? — не отставал я.

— Саша, кончай, — нахмурившись, попросил меня мой начальник. — Честное слово, я не расположен сейчас к веселью. Короче, я послал его на три хороших русских буквы. А после его ухода задумался, почему он так охамел.

— Неужели? — усомнился я.

— Хватит! — заорал на меня Меркулов. — Заткнись хоть на минуту и выслушай меня!

Я выставил впереди себя ладони: сдаюсь, мол.

— Так вот, — продолжал Меркулов. — Он ушел, а я задумался. Никто еще так открыто ко мне не подкатывался. Никто так цинично не предлагал работать на преступников. И ведь не побоялся: а вдруг я записываю разговор на пленку? Нет, ничего не боялся.

— А по его поведению не чувствовалось, что за ним кто-то стоит? — спросил вдруг Грязнов.

— Чувствовалось, — ответил Меркулов. — И еще мне показалось, что такой разговор ему вести не впервой.

— А как он отреагировал на твой отказ? — спросил я.

— То-то и оно. Спокойно отреагировал. Так, словно ничего другого и не ожидал от меня услышать.

— Ничего не понимаю, — признался я. — Чего же он тогда приходил?

— Ну, это просто, — влез Грязнов, — прощупать атмосферу, как говорится.

— Прощупывают почву, а не атмосферу, — осадил его я. — Не надо спешить с ответом, когда обращаются не к тебе.

— Один хрен! — отмахнулся Слава.

— Так или иначе, — продолжил Меркулов, — но на всякий случай я навел справки о его фирме. Ничего криминального, во всяком случае на первый взгляд. Вполне солидная фирма. И кажется, пользуется доверием наших, российских фирм. Те, к кому мы обращались за разъяснениями, говорили, что сотрудничеством довольны.

— А почему я ничего об этом не знал? — несколько уязвленный поинтересовался я, хотя понимал, что Меркулов и так уделяет мне внимания больше, чем я заслуживаю. Между мною и Костей иерархия в шесть человек: начальник Главного следственного управления и его два зама, начальник нашей следственной части и его два зама.

— У тебя своих дел навалом, — объяснил мне Меркулов. — С каких пор я должен тебя посвящать во все мелочи, которые сопровождают мою работу? Ведь я курирую не только вашу следственную часть, а всю следственную структуру России, разве не ясно?

— Если я правильно сумел тебя понять, Костя, — сказал я, — то это дело перестало числиться в разряде мелких с тех пор, как убили инкассаторов и изъяли уйму денег.

— Ты правильно понял, — согласился Меркулов. — Дело о бандитском нападении на инкассаторскую машину и прочие нападения на банки берется под особый контроль генеральным.

Я все-таки не понял, какая связь между визитом Портнова и этими бандитскими ограблениями. И спросил об этом Меркулова.

— Никакой, — ответил он, как мне показалось что-то скрывая. — Пока — никакой.

— Поставим вопрос иначе, — не унимался я, — какая связь между появлением в нашей стране Портнова и ограблениями?

— Это уже не один вопрос. — У Кости было ангельское терпение. — И я тебе опять отвечу — никакой.

— Нелогично, — не сдавался я. — И потом, что мы так привязались к этому Портнову? Может быть, он давно уже честный коммерсант, осознавший свое прошлое и осудивший его. А то, что он приходил к тебе, еще ни о чем не говорит — мало ли что пришло ему в голову. Мысль, что в нашей стране все коррумпированы, не так уж и безумна. Вдруг он действительно предлагал честное сотрудничество — по своим понятиям, конечно? Он, как капиталист, считал, что за информацию надо платить.

— Даю справку, — устало произнес Меркулов, и мы с Грязновым насторожились: сейчас он скажет нам что-то очень важное. — В тысяча девятьсот восьмидесятом году Феликса Портнова короновали. В лагере.

— То есть он настоящий вор в законе, — уточнил Грязнов.

— Именно так, — кивнул Меркулов. — Вопросы еще есть или и так все понятно?

— Что ж вы сразу не сказали, гражданин начальник? — упрекнул я Костю.

— Да, — задумчиво проговорил Грязнов. — Воры, они и в Африке воры.

— Удивительно верное замечание, — согласился с ним я. — А в Америке они не просто воры — они... Погодите!

Меркулов и Грязнов с любопытством на меня уставились: что за мысль, мол, пришла в голову этому Турецкому?

— Погодите, — повторил я, глядя в одну точку.

Было в том, что я хотел сказать, что-то странно стройное, точное, выверенное. Но что — никак сформулировать не мог, и это меня мучило.

— Погодите, — как заведенный повторял я.

Грязнов, естественно, не выдержал.

— Да чего годить-то?! — рявкнул он. — Знакомых воров вспоминаешь?

Вроде глупость он сказал, а все сразу встало на свои места.

Ну конечно же.

— Итак, — сказал я с интонацией Меркулова. — В восьмидесятом Портнова коронуют. Так?

— Так, — согласился Меркулов.

— В восемьдесят втором умирает Брежнев, — продолжал я. — Так?

— При чем тут...

— Погоди, Костя, — прервал я своего начальника. — Ей-богу, я на полном серьезе. Итак, в восемьдесят третьем умирает Андропов, заступает Черненко — и умным людям становится ясно, что все летит в тартарары. Что-то висело в воздухе. Так? Логично?

— Саша...

— Через год воры Советского Союза решают вырвать Портнова из зоны. Они покупают кого-то, от кого зависит изменение приговора, выясняются новые обстоятельства старого дела. Портнов выходит из зоны.

— Что-то уж очень сложно, — с сомнением протянул Грязнов.

— Чем сложнее, тем проще, — упрямо стоял я на своем. — Зачем им Портнов? А?

— Ну и зачем?

Я сделал хитрое лицо:

— Много ли в Советском Союзе было воров в законе?

Кажется, я просто сразил их этим простым, казалось бы, вопросом.

И знаете, что сказал Грязнов? Он сказал:

— Погоди-ка...

— Стоп! — сказал я. — Это я первый просил годить. И так! Воры освобождают Портнова. Вы спросите: зачем? Так ведь ответ на поверхности. Что сделал Портнов через несколько месяцев после своего освобождения?

— Эмигрировал! — хлопнул себя по лбу Грязнов. — Конечно!

— Точно, — подтвердил я. — Уехал за границу. Тогда как раз наши органы этим и занимались: сплавляли втихую нежелательные преступные элементы в эмиграцию. Пусть, мол, там бедокурят, нечего социалистическую Родину беспокоить. Езжай, друг, в Израиль или Америку и грабь там на здоровье, убивай, насилуй, химичь, сколько твоей душевке угодно. Так что Портнову и наши могли помочь. Я имею в виду снятие судимости и прочее. И я не удивлюсь, если именно так все и было.

— Возможно, — кивнул Меркулов.

— Ну вот! — радостно продолжил я свой бенефис. — А что все это значит, милые вы мои?

Меркулов смотрел на меня с одобрением. Он давно уже все понял, и было видно, что именно за такие минуты, как эта, он меня и любит и терпит. И сейчас он давал мне возможность выговориться до конца.

— А это значит, — самозабвенно продолжал я, — что свои Абели и Рихарды Зорге есть не только в среде разведчиков, но и в среде такой вульгарной публики, как воры в законе. И Портнов стал их полномочным посланником в США.

— Да, — пробормотал Грязнов, — это могло быть так, как ты говоришь. Похоже.

— Я просто уверен, что все так и было. Я еще не знаю, чем он там занимался, этот Портнов, в своей Америке, но я это обязательно узнаю. Одно понятно: развернулся он там основательно. Большим «авторитетом» стал. И теперь приехал сюда. Потому что, как ни прискорбно это нам признавать, Россия сегодня — настоящий Клондайк для таких проходимцев.

Я был доволен собой: выдал версию, которая ошеломила моих друзей.

Каково же было мне, когда Меркулов, глядя на меня все теми же ласковыми глазами, спокойно заявил:

— Именно эти мои соображения и убедили генерального в необходимости создания специальной оперативно-следственной группы «Пантера».

Я вытаращился на него, ошеломленный услышанным. А Грязнов чересчур громко расхохотался.

— Ну и вид у тебя, — едва отойдя от своего гнусного смеха, проговорил он. — Ох-хо...

— Ты знал?! — потрясенный, смотрел я на Меркулова.

— Конечно, — спокойно ответил он.

Грязнов снова расхохотался.

— Ты бы уж помолчал! — сказал я ему. — Ты же об этом не догадывался даже!

— А я и не претендую, — пожал он плечами. — Я — оперативник, а не следователь.

— И так, подведем итоги, — резюмировал Меркулов. — Создается специальная оперативно-следственная группа «Пантера», задача которой — расследование целой серии ограблений банков вообще и деятельности Портнова — в частности. Нужно прищучить этого дельца. Тебе, Саша, поручается один из самых ответственных участков работы.

— Портнов? — уточнил я.

— Он самый, — ответил Костя. — И естественно, банки...

Глава третья

Аленичев

1

Старший оперуполномоченный МУРа Станислав Аленичев явился в отель «Балчуг» сам по себе, отдельно от оперативно-следственной группы.

Вообще это было не в его привычках. Обычно он строго придерживался писанных и неписанных муровских правил поведения и не позволял себе особых вольностей. Но в этот день с ним произошел случай, который помешал ему прибыть на работу вовремя. Он опоздал всего лишь на четыре минуты. Группа уехала без него, и, скорее всего, ему досталось бы другое дело, но взбешенный Грязнов, временно исполняющий обязанности начальника МУРа, без раздумий отправил его вслед за группой, приказав добираться своим ходом, хоть на такси. Денег на этот вид транспорта грозный подполковник Грязнов, естественно, не выделил.

Стас поймал такси и поехал в «Балчуг». Настроение было паршивым.

Все началось ранним сегодняшним утром. Хотя нет, утром сегодня произошла развязка застарелой, годами тянувшейся драмы, а началось все значительно раньше.

Стас занимал комнату в большой коммунальной квартире, в которой помимо него жили еще два соседа. Дворник Ахмет Галямин, здоровый тридцатилетний бугай, и старый актер Григорий Маков, бывший в свое время популярным киноартистом. Стас помнил несколько его ролей в фильмах, которые с успехом шли на экранах страны в годы его детства и юности. Обычно Григорий Маков играл положительных героев, в основном мужественных советских офицеров.

В последнее время Маков практически не снимался, а ничего другого он делать не умел. И никаким другим способом ему не удавалось зарабатывать деньги. Пенсия была мизерной, и старый артист влачил жалкое существование. Стас помогал ему чем мог, но и он сам получал немного, так что значительной помощи от него Макову не перепадало. Как говорится, рады бы помочь, да сами бедствуем... Стасу было обидно за известного артиста и стыдно за правительство, которое не может старым людям обеспечить нормальную жизнь на склоне лет.

Но больше всего Стаса бесило поведение соседа-дворника, который при всяком удобном случае начинал шпынять бедного актера.

— Что тебе дали твои роли? — издевательски спрашивал он. — Хлеб с маслом дали? Шампанское дали? Ты мне уже десять своих пенсий должен! Когда отдавать будешь?

Маков молчал. Стас пробовал урезонить Ахмета, но тот резонно возражал.

— А что? — возмущался он. — Как просить у Ахмета денежку, так Ахмет хороший, да? А как Ахмет напомнит про долг, так Ахмет плохой, да?! Где же справедливость? А?

И Стас умолкал. Что тут скажешь?

— Вот ты говоришь, что я неправильно его упрекаю, да? — продолжал свое Ахмет. — А ты вот спроси у него, у Гришки: почему его дочь ему деньги не присылает? Почему забывает деньги прислать? Хотя письма каждую неделю пишет. И звонит часто. А если звонит из Сибири, значит, много денег у нее, да? Тогда почему не шлет? Молчишь, Стас?

— Это не наше дело, Ахмет, — пытался втолковать ему Стас.

Но тот еще больше ярился:

— Как — не мое? Как это — не мое? Он, понимаешь ты, деньги у меня занимает, а кто отдавать будет? А?

— Не давай, — говорил ему Стас. — Зачем давать, если потом такие упреки?

— Не давать? — удивился Ахмет. — А что он жрать будет?

Все его изречения были с вопросительным знаком в конце.

— А если сдохнет? — не успокаивался Ахмет. — Ты его хоронить станешь?

— Ахмет...

— Что — Ахмет? — не успокаивался дворник. — Ну что — Ахмет? А? Я тридцать лет Ахмет! А он — он уже тысячу лет непонятно кто! То ли артист, то ли попрошайка! А?

Григорий Маков не мог не слышать эти разговоры и, когда они возникали, прятался в своей комнате.

До сегодняшнего дня он всегда переживал в своей берлоге бурю, ждал, пока успокоится Ахмет и можно будет продолжать свою пусть убогую, но все-таки жизнь.

До сегодняшнего дня...

Рано утром Стас проснулся от сильных ударов. Кто-то ломился в чью-то дверь. Стас вскочил с постели и выбежал в коридор.

Ахмет с утра убрал во дворе, то есть выполнил свои обязанности и, возвращаясь, по обыкновению, заглянул в их общий почтовый ящик на двери квартиры. Стас увидел, что газеты почему-то валяются на полу, а сам Ахмет яростно ломится в запертую комнату Макова. Дверь под немилосердными ударами трещала и была готова развалиться, а дворник орал во все горло:

— Ну ты! Выходи сейчас же! Сволота проклятая! Выйди, и я тебе морду всю разворочу!

Стас какое-то время ошеломленно смотрел на разъяренного соседа, а потом спросил:

— Ты чего это?

Ахмет обернулся к нему и завопил:

— Стас! Скажи ему, пусть лучше сам откроет, а то я его наизнанку выверну!

— Зачем же он тебе станет открывать, если ты его чуть ли не убить грозишься? — резонно заметил Стас. — Кто тебе откроет, когда ты в таком состоянии?

— Послушай, Стас, — сказал дворник, — так дальше продолжаться не может. Ты знаешь, что этот артист натворил? А?

— Что?

Ахмет потряс перед лицом Стаса несколькими квитанциями. Стас заметил, что это были обычные телефонные квитанции за междугородные переговоры.

— Вот! — вопил Ахмет. — Видишь, а? Разговаривал он! Один и тот же код! Одна минута разговора семь тысяч стоит! Знаешь, на сколько он тут наговорил? На больше миллиона он наговорил! Он разорил меня, он меня по миру пустил!

— Почему — тебя? — удивился Стас.

— А кто платить будет, а? — застонал Ахмет. — Он, что ли? Или ты? У тебя есть лишние миллионы? Есть? Нету! А у меня есть, но они не лишние! А платить все равно придется. Я не могу без телефона. Ты тоже не можешь без телефона. А кто платить будет? Я! Посмотри, на сколько он наговорил. А?

— Погоди-ка. — Стас взял у него из рук квитанции. — Может, ошибка какая, такое бывает, разберемся.

— Какая ошибка? — снова зашелся в крике Ахмет. — Никакая не ошибка! Я код в телефонной книге посмотрел. Это Новосибирск! Он дочке своей звонил. Каждый день, а то и два раза в день!

Действительно, на всех квитанциях был проставлен один и тот же код. Ошибки быть не могло.

— Ну что ж, — сказал Стас, возвращая квитанции. — Всякое бывает. Мало ли почему ему нужно было звонить.

— Я знаю, почему ему нужно было звонить! — не унимался Ахмет. — Знаю! Он своей сучке, дочке своей, одно только сказать может: деньги дай, Ахмету долг отдать хочу, он меня

замучил совсем. А она ему — вот что показывает! — Ахмет сложил три пальца и помахал этой комбинацией перед носом Стаса. — Ты понял? Плевать она на него хотела. А мне что делать?

В это время дверь комнаты Макова открылась. На пороге стоял бледный артист и весь дрожал от ярости. Стас впервые видел его таким.

— Ты... — он посмотрел на Ахмета такими безумными глазами, что тот даже попятился. — Прекрати немедленно! Ты понял? Ты не смеешь так говорить о моей дочери. Ты мизинца ее не стоишь.

— Тогда почему ты у нее деньги не берешь? Почему у меня берешь? А? Стас, смотри, он меня оскорбляет, а свою блядь выше всех ставит! Я...

Он не договорил. Маков вдруг пронзительно закричал и бросился в глубь своей комнаты.

Ахмет сразу утих и спросил у Стаса:

— Что это с ним? А?

Стас не успел ответить. На пороге своей комнаты с двустволкой в руках вырос Маков. Направив ее на Ахмета, Маков проговорил дрожащим голосом:

— Ты... Немедленно извинись. Немедленно!

Ахмет замер, разинув рот.

Стас медленно приблизился к Макову.

— Григорий Романович, — вкрадчиво сказал он, — успокойтесь. Ахмет ничего плохого вам не желает. Он погорячился, он извинится, обязательно извинится.

— Что? — взвился Ахмет. — Я — извиняться перед этим? Чтоб я совсем перестал уважать себя, да? Если бы его сучка была здесь, я бы ей показал, кто она есть. Я бы ей...

Истошный крик Макова не дал ему закончить.

— Замолчи-и! — заорал старик и, направив ружье на Ахмета, выстрелил.

Стас успел перехватить ствол, и обе пули продырявили потолок. Выстрел дуплетом прогремел в коммунальной квартире, как гром среди ясного неба. Стас тут же выхватил оружие из рук Макова.

Ахмет остоленел.

— Ты меня?.. — потрясенно спросил он Макова. — Ты меня убить хотел, да?

И бросился к старику. Стас не успел удержать его. В два прыжка Ахмет одолел расстояние, отделявшее его от двери, и через плечо Аленичева нанес старику удар в челюсть. Голова Макова дернулась назад, сильно ударилась о дверной косяк. Старик всхлипнул и осел на пол.

Стас тут же бросился к нему на помощь, но было поздно. Старый артист Маков был мертв.

— Ты... — Стас смотрел на Ахмета, который еще не понимал, что натворил. — Ты понимаешь, что ты сделал?! Ты убил его!

— Он что, мертвый, да? — пробормотал Ахмет, пятясь от тела. — Совсем мертвый, да? Я убил его?

Лицо Макова на глазах приобретало восковой оттенок. Смерть словно заждалась старого артиста и сразу вступила в свои владения.

— Что делать, Стас? — спрашивал Ахмет. — Что мне теперь делать?

— Вон телефон, — ответил Стас. — Сними трубку и набери 02. Приход с повинной облегчит твою участь.

— Стас, ты же видел, он стрелял в меня. Стас, это же он хотел убить меня, а не я его.

Стас кивнул.

— Знаю, Ахмет, — сказал он. — Если тебе повезет, все это будет квалифицировано как убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения или как убийство при превышении пределов необходимой обороны.

Ахмет с сомнением смотрел на него.

— Это точно? Точно, Стас?

Стас поднялся с колен, на которых стоял перед телом Макова, и выпрямился.

— У тебя нет другого выхода, Ахмет, — стараясь не выдать своего волнения, ответил он. — Вызывай милицию.

— Ты сам милиция!

— Я работаю в МУРе, — устало объяснил ему Аленичев. — И я — свидетель происшествия. Этот случай — для местной милиции и прокуратуры. Звони, Ахмет, а то я сам это сделаю, и тогда тебе точно не поздоровится. В этом случае ты никогда не докажешь, что оборонялся. Ты понял меня?

— Понял, понял, — испуганно ответил Ахмет, — понял, Стас. Уже звоню.

И он снял трубку, набрал номер и созвонился дежурному по отделению в содеянном.

Стас знаком потребовал трубку.

Представился:

— Старший оперуполномоченный МУРа Аленичев, я — сосед по квартире. Все, что сказал этот человек, правда. Прошу вас прибыть на место происшествия как можно быстрее.

— МУР? — переспросил его собеседник. — А зачем же вы нам звоните?

— Я — свидетель, — объяснил ему Стас. — Это дело вашей подследственности, так что еще раз прошу вас поторопиться.

— А как вы там оказались? — продолжал его расспрашивать дотошный собеседник на другом конце провода. — Что вы там делаете?

— Я уже сказал: живу я тут! — еле сдерживая себя, ответил Аленичев.

Назвав адрес, он бросил трубку. Только теперь он заметил, как взбудоражен. Его просто колотило.

— Стас... — робко начал Ахмет, но тот его безжалостно перебил:

— Заткнись! Ты уже наговорил тут! Зачем тебе понадобилось унижать так старика? Зачем ты оскорблял его дочь? Ты же ее в глаза не видел! Что ты вообще о ней знаешь?

— Стас... — забормотал Ахмет. — Погоди, Стас... Не надо, пожалуйста. Я все понял, Стас.

— Очень хорошо, если ты понимаешь, — успокаиваясь, проговорил Аленичев. — Сейчас они приедут, и ты расскажешь все, что было.

Ахмет обреченно кивнул.

А потом приехали следователь и сотрудники милиции. Допросили их обоих. Стас терпеливо отвечал на все вопросы: ему было хорошо известно, что от точности его показаний зависит судьба не очень плохого человека. Пусть даже невольного убийцы.

Когда наконец Аленичев освободился и посмотрел на часы, то понял, что опаздывает на работу.

И бросился вон из квартиры.

2

В «Балчуг» он опоздал ненамного — оперативно-следственная группа, по существу, только начинала свою работу.

Ему не сразу удалось преодолеть кордон из работников службы безопасности отеля. Но в конце концов удостоверение МУРа сделало свое дело, и он присоединился к коллегам.

Убитого звали Грымов Леонид Аркадьевич. Когда-то он был гражданином России, но вот уже более пяти лет как получил итальянское гражданство. В Москву прибыл неделю назад по делам своей фирмы, от названия которой веяло далекой стариной — «Грымов и сын». Самое интересное, что сына как такового у Грымова не было, но, как успели выяснить оперативники, жена его, итальянская гражданка Паола Мазина, пребывала на последнем месяце беременности, и родители мечтали, чтобы на свет появился сын.

Это были, конечно, немаловажные детали, но не главное из того, что удалось узнать оперативно-следственной группе.

Очевидцев убийства не было.

Создавалось ощущение, что на какой-то момент потерпевший выпал из поля зрения всех, кто мог бы случайно или намеренно его видеть. В том, что действовал профессиональный убийца, более того — мастер своего дела, сомневаться не приходилось.

Аленичев и его коллеги после всех необходимых следственных действий восстановили приблизительную картину происшедшего.

Леонид Грымов вышел из своего номера в девять часов двадцать пять минут утра. Ровно в девять тридцать у него должна была состояться важная, по словам вице-президента фирмы, встреча. Разговор предстоял якобы в высшей степени конфиденциальный, и поэтому Грымов не взял с собой своего зама.

Старший опер Аленичев, который был ответствен за раскрытие этого убийства, решил подробно допросить вице-президента фирмы «Грымов и сын». Он остановился в этой же гостинице.

Это был маленький юркий брюнет, который производил странное впечатление: глаза его бежали и, казалось, неспособны были ни на чем сосредоточиться.

Звали вице-президента Антонио дель Пьеро.

— Хочу сразу представиться, — заявил дель Пьеро по-русски, — я вице-президент, то есть коммерческий директор фирмы, в которой господин Грымов является президентом. Являлся, — поправился он. — Мне сказали, что вы хотите со мной поговорить.

— Да, — ответил Стас.

— Слушаю вас внимательно.

И в подтверждение этих слов на лице итальянца проявилось глубочайшее внимание.

Стас спросил:

— Откуда вы так хорошо знаете русский?

Дель Пьеро едва заметно улыбнулся.

— Я родился и вырос в России, более того — в Москве, почти на Арбате. Это довольно длинная история и к делу, которое вы расследуете, не относится.

— Вы уверены?

— Не понял, — удивился итальянец. — Вы полагаете, что господина Грымова убили из-за того, что я родился и вырос в Кривоколенном переулке?

Стас усмехнулся:

— В расследовании убийств любая мелочь может иметь значение. Даже то, что вы выросли на Арбате.

— История моей семьи к данному делу не относится, — продолжал упорствовать дель Пьеро. — Если у вас есть вопросы по существу — пожалуйста. Если же вас интересует моя родословная, то я, пожалуй, займусь другими, более важными делами.

— Наш разговор не менее важен. Я должен кое о чем расспросить вас, а потом ваши показания занести в протокол. А вернуться к вопросу о вашей, как вы говорите, родословной можно будет и позже. Будьте добры, ответьте мне: с какой целью господин Грымов приехал в Москву?

Дель Пьеро удовлетворенно кивнул.

— Это другое дело. Мне кажется, вы свернули с неправильного пути. Итак, почему мы с Грымовым приехали сюда? Бизнес.

— Подробности, пожалуйста, — попросил Стас. — Как вы понимаете, меня интересуют все детали.

Дель Пьеро поежился: в это время медицинская служба укладывала на носилки тело его шефа.

— До сегодняшнего дня я и представить себе не мог, что такое возможно. Я был уверен, что всякие бандитские разборки, как у вас говорят, возможны только в бизнесе криминальном. А у нас, смею вас уверить, вполне легальный бизнес. Впрочем, итальянские мафиози — дети по сравнению с русскими, — неожиданно добавил он.

— И все-таки, — мягко напомнил ему Стас о сути своего вопроса, — объясните более конкретно, зачем вы приехали в Москву, господин дель Пьеро? Вы и Грымов, разумеется. По каким делам? И к кому?

— Я только сопровождал его, — ответил итальянец. — Сам же Грымов приехал, чтобы подписать договор о намерениях с одной российско-американской фирмой.

— Какой фирмой? — Стас уже строчил протокол допроса свидетеля.

— Она называется «Нью-Мос», — ответил дель Пьеро. — Расшифровывается это просто: «Нью-Йорк — Москва». Вот и все.

— Какого рода намечался договор? Я имею в виду: о какой продукции шла речь? Что конкретно хотели друг от друга ваши фирмы?

— Фирма «Нью-Мос» продает российским фирмам компьютеры. Через свои каналы мы узнали, что продажные цены вполне приемлемы и для нас. Это была бы очень выгодная сделка для нашей фирмы. Для «Нью-Мос», разумеется, тоже. Мы вполне могли договориться.

— Почему вы считаете, что для фирмы «Нью-Мос» эта сделка тоже была бы выгодной?

Итальянец выразил удивление:

— Продают же они компьютеры для России. Какая разница, кому продавать — России или Италии? Проблемы с таможнями были бы нашими проблемами.

— Понятно, — сказал Стас. — И сегодня должна была состояться встреча Грымова — с кем? Кто-то из фирмы «Нью-Мос»? Человек этот пришел на встречу?

На лице дель Пьеро отразился неподдельный страх.

— Понятия не имею, — проговорил он в смятении. — Кажется, нет. Точно, нет. Вы думаете, это они убили господина Грымова?

Стас пожал плечами.

— Я только спрашиваю, — сказал он потрясенному итальянцу. — Чтобы максимально точно представить себе картину происшедшего.

На дель Пьеро было жалко смотреть.

— Господи... — пробормотал он. — Ну конечно же... Но почему? За что?

Стас постарался его успокоить:

— Еще не факт, что виновниками убийства господина Грымова являются именно эти люди. Мы только намечаем и прорабатываем различные версии, понимаете? Поэтому прошу вас не распространяться особо об этом деле. Для вашего же блага, поверьте. Вы хорошо меня поняли?

Дель Пьеро потерянно закивал.

— Да, — сказал он, — я хорошо понимаю русский язык. Даже лучше, чем итальянский.

Стас обратил внимание на это невольное вырвавшееся признание — русский знает лучше, чем итальянский. Иногда вот такие ничем не примечательные подробности, которые он запомнил, ему здорово помогали.

— А супруга господина Грымова тоже приехала? — спросил он.

Дель Пьеро даже вздрогнул.

— Что вы, что вы! — воскликнул он. — Нет, конечно. Она беременна, на последнем месяце.

Об этом последнем обстоятельстве Стасу уже было известно от других оперативников. Но ведь и в таком состоянии она могла приехать.

— Она итальянка? — спросил Стас.

— Почему? — удивился дель Пьеро. Русская. Они вместе приехали в Италию.

— Понятно.

Задав еще несколько вопросов, Аленичев оформил протокол и отпустил итальянца. Чуть пошатываясь, тот удалился. Было видно, что все происшедшее — убийство, допрос — произвело на него ошеломляющее впечатление.

К Стасу подошла судмедэксперт.

— Есть что-нибудь необычное, Елена Алексеевна? — спросил Аленичев у молодой красивой женщины с густой копной рыжих волос.

— Налицо факторы близкого выстрела, — по-деловому начала она. — На поражаемый объект воздействовал не только огнестрельный снаряд — пуля, но и пороховые газы, пламя, копоть и остатки зерен пороха. Дульный срез ствола соприкасался с головой. Две пули вошли в голову, обе раны смертельные. Преступник работал наверняка.

Стас был благодарен ей за такой служебно-деловой ответ.

— Да, — сказал он. — Действовал этот тип умело. В холле было полно людей, и никто ничего не видел. Странно, да?

Елена Алексеевна пожала плечами:

— Чему ты удивляешься? Если бы все было ясно с самого начала, следователей и оперативников давно бы заменили на какой-нибудь суперсовременный компьютер.

— Кстати о компьютерах, — вспомнил Стас. — Что, это действительно хороший бизнес?

— Я врач, — напомнила ему Елена Алексеевна, — а не бизнесмен. Хотя даже я могу сказать, что компьютеры действительно хороший бизнес. Все утверждают, что за ними — будущее. Моего племянника от компьютера за уши не оттащишь.

— Да-да, — согласился с ней Стас. — Ну что ж, будем работать.

3

Найти в Москве представительство фирмы «Нью-Мос» оказалось делом несложным. Офис совместной российско-американской фирмы размещался на верхнем этаже гостиницы «Россия».

Аренда целого этажа в такой гостинице, как «Россия», была делом дорогим, гораздо дороже, чем другие для тех же целей помещения. Стас подумал, что это наверняка солидная фирма, если позволяет себе такие траты.

Помощник генерального директора фирмы «Нью-Мос» Лео Берг внимательно изучил удостоверение Стаса и, подняв на него томные глаза, спросил:

— Чем могу служить?

— Мне нужен ваш генеральный директор, — ответил ему Аленичев. — Портнов Феликс Михайлович.

— По какому вопросу?

— Это я сам ему скажу, — жестко ответил Стас, чувствуя, что начинает закипать.

— Должен же я доложить господину Портнову, по какому вопросу его беспокоят, — развел руками Берг.

— Скажите вашему боссу, — посоветовал Стас, — что к нему явился сотрудник Московского уголовного розыска. Думаю, он не станет вас упрекать за то, что вы не смогли остановить такого посетителя.

Спокойнее, сказал себе Стас, что это ты на ровном месте так распахивался?

Какое-то время Берг пристально смотрел на Стаса, а потом стал медленно подниматься со стула.

— О'кей, — сказал он. — Я доложу боссу. Как вы сказали? Как ваша фамилия? Петров?

— Аленичев, — спокойно поправил его Стас, поняв, что его хотят вывести из равновесия. — Майор Аленичев.

Ему показалось, что Берг улыбнулся, но ручаться за это не стал бы.

— Прошу подождать минуту, — сказал Берг. — Надеюсь, что господин Портнов примет вас.

— Даже уверен в этом, — пробурчал Стас в спину уходившему Бергу.

Ждать пришлось недолго — ровно минуту, как и обещал Берг.

Стас вошел в кабинет.

Портнов сидел за столом и просматривал стопку документов. По левую его руку стояли несколько телефонных аппаратов.

Увидев вошедшего муровца, Портнов не встал с места, а только небрежно кивнул на кресло напротив себя — садись, мол.

Стас сел.

— Майор Аленичев? — посмотрел на него Портнов. — Помощник сказал мне, что вы из милиции.

— Я из МУРа, — уточнил Стас.

— Конечно, конечно, — согласился Портнов. — МУР, милиция — не богадельня. И так, я вас слушаю. Только, пожалуйста, покороче. У меня совсем мало времени. Дел — невпроворот.

— Дело, с которым я к вам пришел, — сказал Аленичев, — может принести вам больше волнений, чем все остальные ваши дела, вместе взятые.

Стоп, сказал себе Стас, что-то ты начал больно круто. Спокойней, Стас, спокойней.

— Вот как? — выгнул бровь дугой Портнов. — Очень интересно.

Стас перешел к делу:

— Сегодня утром вы должны были встретиться в отеле «Балчуг» с неким господином Грымовым. Это так?

— Грымов? — удивленно посмотрел на него Портнов. — Погодите-ка... Это итальянец, кажется? «Грымов и сын»? Или я ошибаюсь.

— Не ошибаетесь, — сказал Стас. — Если я правильно вас понимаю, вы с ним не встретились. Почему?

— А почему я должен был с ним встречаться именно утром, именно в отеле?

Хорошо держится, сукин сын, подумал про себя Стас. Если врет, то он просто великий артист.

— Мы располагаем информацией, — спокойно проговорил Стас, — что вы должны были встретиться с господином Грымовым сегодня утром в отеле «Балчуг». Можете вы это подтвердить?

— Одну минуту, — попросил Портнов и нажал на кнопку перед собой.

Почти сразу же в дверях появился Берг:

— Слушаю вас, босс.

— Когда я должен по расписанию встретиться с Грымовым? — жестко спросил у него Портнов. — Я имею в виду этих итальянцев — «Грымов и сын».

— Я только что обнаружил... — взволнованно заговорил Берг. — Прошу простить меня, босс, но я каким-то странным образом перепутал даты. После ухода господина из милиции, вот этого, я собирался напомнить, что завтра у вас с господином Грымовым встреча — в отеле «Балчуг», как он настаивал. Но, просматривая свои записи, я вдруг увидел, что встреча должна была состояться не завтра, а сегодня. Сам не понимаю, как это могло произойти. Прошу меня простить, босс.

— Встреча должна была состояться сегодня? — спросил Портнов.

— Да, босс.

— И по вашей вине она не состоялась?

— Да, босс, — с несчастным видом ответил Берг.

Портнов коротко вздохнул и ровным голосом, как само собой разумеющееся, сказал:

— Вы уволены. С этой минуты вы в моем штате, Берг, не числитесь. И движением руки показал, чтобы Берг убирался из кабинета.

Силен, черт, с восхищением подумал Стас. Кажется, он начинает мне нравиться. Неслабый противник.

Внезапно Портнов чуть слышно застонал. Стас внимательно пригляделся к хозяину кабинета. Портнов схватился за сердце.

— Вам плохо? — спросил Аленичев.

— Ничего-ничего, — хриплым голосом ответил Портнов. — Сейчас пройдет.

Он выпрямился за столом и вперил в Аленичева вопросительный взгляд.

— Объясните-ка мне вот что. — Голос его оставался таким же хриплым. — С каких это пор МУР интересуется предпринимателями, по тем или иным причинам не явившимися на договоренную с партнерами по бизнесу встречу?

Стас ответил на этот вопрос не менее обстоятельно:

— Причины, которые заставили меня прийти к вам, достаточно серьезные. Сегодня утром Грымов вышел из номера в холл отеля, чтобы встретиться с вами, и — был убит.

— Что?! — вскрикнул Портнов и тут же, снова схватившись за сердце, протяжно застонал: — А-а-а-ах!

— Убит, — повторил Аленичев, спокойно глядя на Портнова, хотя известие, похоже, потрясло хозяина кабинета. Он даже испариной покрылся.

Портнов глубоко вдохнул, набирая в грудь побольше воздуха, и вдруг коротко выдохнул. Силы к нему прибывали на глазах.

— Как же он был убит? — довольно деловым тоном спросил он у Стаса.

— Его застрелили, — ответил Стас.

— Кто? Вы поймали убийцу?

— Пока нет. Но надеемся сделать это с вашей помощью.

Портнов развел руками:

— Чем же я могу помочь вам? Вы же в курсе, меня там даже не было.

— Да, — согласился Стас, — думаю, что вам несложно будет доказать свое алиби. Я не считаю, что именно вы убили Грымова. Но сейчас меня интересует другое.

— Слушаю вас.

И снова Стас подивился странному этому Портнову. Только что чуть ли не умирал, но что-то произошло или, наоборот, не произошло — и он уже спокойный, уверенный и вполне здоровый. У него, кажется, даже щеки порозовели.

— Какие дела связывали вашу фирму с фирмой Грымова?

Портнов поднял брови, словно что-то припоминая:

— Да никаких, в сущности, дел у нас общих не было. Я только знаю, что Грымов собирался закупать у нас довольно крупную партию товара. Сейчас я действительно вспомнил, что он настаивал на суперконфиденциальной встрече. Меня это тогда удивило и слегка позабавило. Но особого значения всему этому я не придал. Бизнес мой вполне легальный, бояться мне нечего.

— И вам ничего не показалось странным?

— Нет, почему, — задумчиво проговорил Портнов, вперив свой взгляд куда-то в сторону. — Показалось, конечно. Но... как бы вам это поделикатнее сказать...

— Да уж говорите как есть.

Портнов вдруг широко улыбнулся:

— Понимаете, мы с ним оба — и я и Грымов — были когда-то гражданами Советского Союза. Почему мы уехали в свое время — это никого не волнует. У него свои причины, у меня — свои. Но тут мы встретились, и мне показалось, что дела свои Грымов делает по-советски в худшем смысле этого слова. Какие-то загадки, тайны. Я стал подозревать: не проходимец ли он?

Но, повторяю, бояться мне нечего. И я согласился на встречу с ним — из чисто человеческого любопытства. И знаете, я не удивлен, что его убили. Мне показалось, что его бизнес имеет какой-то криминальный оттенок. — Портнов немного помолчал. — Вот я поделился сейчас с вами своими сомнениями и понял, что не стану я увольнять своего помощника. Он ведь забыл об этом человеке, наверное, потому, что Грымов этот самый ничего особенного из себя не представлял. Пустое место. Интуитивно Берг это понял. И забыл, с кем не бывает. Может, и к лучшему, что я не пошел на эту встречу. А Бергом я доволен, так что нечего неплохому работнику портить жизнь.

Запись показаний Портнова заняла у Аленичева не более двадцати минут.

— Ну что ж, — поднялся он. — Спасибо за беседу.

— Всего хорошего, — кивнул ему Портнов.

Он опять не стронулся с места.

Стас понял, что этим Портнов намеренно пытается его уязвить, но никакой досады от этого не испытывал. Ничего-ничего — следствие еще только начинается.

4

Доклад об осмотре места убийства и оперативно-следственных мероприятиях занял более часа. Врио начальника МУРа Вячеслав Иванович Грязнов не любил халтуры и халтурщиков в своей среде.

Был поздний вечер, когда Аленичев вернулся домой. На кухне горел свет. Стас прошел сразу туда.

Ахмет жарил яичницу.

— Неужели отпустили? — спросил Стас.

Ахмет повернулся к нему, и Стас увидел, что сосед вдребезги пьян.

— Стас! — громко поприветствовал его Ахмет. — Здорово, Стас! А меня, видишь, отпустили.

— Вижу. Зря напиваешься, Ахмет. Тебе сейчас нужно быть трезвым как стеклышко.

Ахмет поднял вверх указательный палец и стал водить им из стороны в сторону.

— Нет, Стас. Нет. Ты думаешь, это легко? Я человека убил, Стас...

— Иди проспись, Ахмет. И не пей больше.

— Они отпустили меня, они, — он мотнул головой куда-то в сторону, но Стас понял, кого он имел в виду, — они меня поняли. Но ты думаешь, мне от этого легче стало? Нет, Стас. Мне легче не стало. Знаешь, что я сделал? Нет, Стас, ты не знаешь, что я сделал...

— Что?

Ахмет перегнулся через стол и, дыша на Стаса перегаром, произнес, еле выговаривая слова:

— Я его дочь вызвал. Понимаешь? А? Я дочь его позвал! Нашел телефон у него в записной книжке, позвонил и вызвал.

— Правильно сделал. Должна же она похоронить отца.

Ахмет застонал.

— А как я в глаза смотреть ей буду? Что я скажу ей? Что за миллион батьку ее убил? Что он ее любил и звонил ей каждый день, а я его за это на тот свет отправил?

— Ты не виноват, Ахмет, — пробовал успокоить его Стас. — Это был несчастный случай. Ты находился в состоянии аффекта.

— А! — махнул рукой Ахмет. — Все равно теперь. Сколько жить буду, любой скажет: Ахмет убийца.

— Иди спать, Ахмет, — уговаривал его Стас. — Иди, тебе надо успокоиться.

Ахмет тяжело встал из-за стола.

— Успокоиться... — повторил он. — Что ты понимаешь... Успокоиться...
И он пошел в свою комнату. Стас встал и выключил газ под сковородкой.

Через пятнадцать минут старший оперуполномоченный МУРа майор милиции Станислав Аленичев крепко-крепко спал.
Снов он никогда не видел.

Глава четвертая

Из записок Турецкого

1

Ограбление Бета-банка поражало своей дерзостью. На моей памяти не было ничего подобного. Какой-то Дикий Запад посреди Москвы.

Прежде чем ехать к руководству банка, я побеседовал с Костей Меркуловым, заместителем Генерального прокурора России и моим другом.

Он сказал:

— Понимаешь, Саша, мне это кажется не просто ограблением. Слишком все эффектно. По-киношному как-то. Словно глумится кто-то над нами.

— Почему — над нами? — удивился я. — Ты имеешь в виду — над Генпрокуратурой?

— Не совсем так. Я бы сказал, над всеми нами, в том числе и над Генпрокуратурой, а значит, и надо мной, и над тобой в том числе.

— Опять не понимаю, — сказал я. — Нельзя ли попонятнее?

Костя стал объяснять:

— Вот смотри. Почти в центре Москвы устраивается нечто такое, что могло бы стать предметом зависти настоящих киношников. Трюки, взрывы, стрельба, ограбление, и в результате — крупная сумма как в воду канула. Это тебе не обыкновенный «скачок», не просто — «кошелек или жизнь».

— Ну, это понятно.

— Хорошо, что понятно. Теперь смотри дальше. Пострадал не один банк, а несколько — и все мощные, с солидной клиентурой, словно застрахованные от неприятностей, пользующиеся уважением и у клиентов, и у партнеров, так?

— Сто процентов. И что?

— Как ты думаешь, для чего создана наша специальная оперативно-следственная группа «Пантера»?

— Но ты ведь говорил нам с Грязновым. Опасность велика, да и Портнов этот...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.